
Russkaya Starina

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402X
2014. Vol.(9). № 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Khlynina Tat'yana – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia
(Editor-in-Chief)
PhD Mamadaliyev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dr. Krinko Evgenii – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia
Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.03.14.
Format 21 × 29,7/4.
Enamel-paper. Print screen.
Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 9.

Russkaya Starina

2014

№ 1

Издается с 1870 г. ISSN 2313-402X
2014. № 1 (9). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хлынина Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
(Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@ Rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.03.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 9.

© Русская Старина, 2014

C O N T E N T S

Articles and Statements

Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of ‘Enlightened Bureaucracy’: Bureaucrat’s Biography Sergei I. Degtyarev	4
Letters and Diaries of E.M. Rudneva as a Historical Source Tat’yana P. Khlynina	11
Ethnoreligious Mosaic of the Late Imperial Russia: National and Confessional School of Uyezd Chistopol Irina V. Kornilova, Timur A. Magsumov	18
Formation of Cavalry Units of the Red Army in the Southern Russia and Their Fate during the Great Patriotic War Evgenii F. Krinko	26
Mass Media as a Crucial Factor of the Public Opinion Forming, Concerning the Beginning of Reintegration of the Russian Imperial House into Russia (1990-1992) Aleksandr V. Pavlov	40
«We Also Want to Live Happily, as Our Beloved Stalin»: Letters cut Emotional Leaders of the Provincial Cities of the USSR (1930s) Irina G. Tazhidinova	47

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 4-10, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 93/94

Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of ‘Enlightened Bureaucracy’: Bureaucrat’s Biography

Sergei I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
PhD (History)

Abstract. The article attempts to highlight the major milestones of private life, professional and creative activity of one of the outstanding representatives of ‘enlightened bureaucracy’ of the Russian Empire of the XIX century, scientist, public official Nikolay Vasilevich Varadinov, characterizes his major scientific works.

Keywords: Nikolay Vasilevich Varadinov; bureaucrat; researcher; law; medicine; education.

Введение.

Долгое время имя юриста, историка, публициста, государственного и общественного деятеля Николая Васильевича Варадинова (1817-1886) было практически не известным для широкой общественности (в определенной степени остается таким и ныне). До октябрьского переворота 1917 г. жизнь и творчество Н.В.Варадинова освещались лишь вскользь [1]. В советское время это не делалось по идеологическим соображениям – изучать жизнь представителя имперской бюрократии (причем довольно высокопоставленного), дворянина значило навлечь на себя подозрения в наличии взглядов, которые не вписывались в марксистско-ленинскую модель восприятия мира. В постсоветский период историческая наука получила возможность развиваться вне идеологических рамок. Многие актуальные проблемы получили освещение в работах ученых, в том числе активно стали изучаться биографии деятелей прошлого. К сожалению, жизнь и творчество Н.В.Варадинова при этом крайне редко становились предметом специальных исследований [2].

Цель данной работы – осветить жизненный и творческий путь одного из ярких представителей бюрократии Российской империи XIX в. Н.В.Варадинова. Термин «просвещенная бюрократия» по отношению к нему в названии работы применен нами не случайно. Данное понятие («enlightened bureaucrats») было предложено американским ученым В.Б.Линкольном в начале 80-х годов XX в. Он исследовал роль наиболее прогрессивных представителей высшего чиновничества Российской империи в период проведения реформ Николая I и Александра II. По его мнению, именно так называемые “просвещенные бюрократы” стали не только основной движущей силой прогрессивных реформ второй половины XIX в., но и непосредственно повлияли на создание качественно нового чиновничества (более ответственного при выполнении своих обязанностей,

профессионального, с прогрессивными взглядами). “Просвещенные бюрократы” появляются в конце 30-х годов XIX в. в лицах Л.Перовского, П.Киселева, В.Панина, А.Заболоцкого и других представителей высшей бюрократии империи [3]. По нашему мнению, именно к числу подобных личностей относился и Н.В.Варадинов.

Результаты.

Николай Васильевич Варадинов родился 6 декабря 1817 г. согласно одним данным в г.Полтава, другим – в г.Ромны Полтавской губернии (ныне Сумская область, Украина) в купеческой семье. Архивные материалы подтверждают последнюю версию. Отец, Василий Петрович Варадинов – владелец одной из первых мануфактур в Ромнах по производству миткалевых и нанковых тканей и платков. Он умер в 1822 г. (разорившись покончил жизнь самоубийством). Мать Анна Марковна пережила мужа на 30 лет и умерла в 1852 г. У Николая Васильевича был также младший брат, который, окончив Дерптский университет (как и его старший брат, о чем речь пойдет ниже), всю жизнь провел в г.Ромны, работая учителем [4]. Поскольку Н.В.Варадинов рано лишился отца, Роменским сиротским судом к имению Варадиновых были назначены опекуны, так как Николай и его брат были еще малолетними [5].

Нам не удалось выяснить какое начальное образование и в каком учебном заведении получил Н.В.Варадинов. Но в 1838-1841 гг. он обучался на юридическом факультете Дерптского университета, где получил степень кандидата [6]. По окончании университета он работал учителем русского языка, преподавал в дворянском училище в Аренсбурге. В этот период появляются первые работы Варадинова: «Нечто о русском слоге для программы к годичному испытанию в Аренсбургском уездном дворянском училище 20 и 21 декабря» (Дерпт, 1843) и «Ueber die allgemeinen Rechtmittel wider richterliche Verfügungen in Civilrechtsstreitigkeiten nach russischem Rechte» (Дерпт, 1845). Но уже в 1845 г. Варадинов стал чиновником особых поручений при генерал-губернаторе прибалтийских губерний, а еще через три года (в 1848) становится управляющим канцелярии генерал-губернатора.

В 40-х годах XIX в. среди эстов и латышей начинается движение в пользу перехода в православное вероисповедание. В это время рижским архиепископом был Филарет (Гумилевский) и Н.Варадинов стал одним из наиболее активных его помощников в борьбе с местными влияниями, которые имели целью ослабить и уничтожить стремления эстов и латышей к православию. Тогда же, в 1847 г. появляется очередная работа Николая Варадинова «De hypothecis ex jure livonico et estonico». В этом же году в г.Дерпт он защитил степень доктора права.

В 1849 г. генерал-губернатором Прибалтийского края был назначен князь А.Суворов-Рымникский, который не был поклонником административной руссификации и Варадинов оставил Ригу и перешел на службу в Петербург, в департамент экономии Министерства внутренних дел. С этого времени и до момента получения Варадиновым степени доктора философии Иенского университета в 1858 г. появляются три очередные его работы: «Исследования об имущественных и вещественных правах по законам русским: а) о праве собственности; б) о праве владения; в) о праве пользования» (1855), «Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, криминальному и одноличному письмоводству» (1857) и статья «О законе по римскому праву» (1856). В частности в «Исследовании об имущественных и вещественных правах по законам русским» Варадинов впервые представил теоретическое учение о собственности, рассмотрев право собственности, владения и пользования. В начале каждой главы автор подает общую теорию, подводя ее под российское законодательство своего времени. Считается, что эта работа является первой попыткой философско-юридического изучения российского законодательства о собственности [7].

Далее, в период с 1858 г. по 1863 г. выходит в свет самое известное и фундаментальное исследование Н.В.Варадинова «История Министерства внутренних дел» в 8-ми томах и ряд менее известных работ: «Лечение кумысом» (1859), «Об условиях университетского образования» (1859), «Оброчное содержание» (1860), «О личном задержании по долговым обязательствам» (1861), «Гильдии. Историко-юридический очерк» (1861), «О свободе ремесленной промышленности» (1862), «Юридические общества» (1862) и др.

С декабря 1855 г. по январь 1862 г. Варадинов был редактором «Журнала Министерства внутренних дел», а в 1862 г. редактировал официальную газету «Северная Почта» (№№ 146-214).

В 1862 г. Николай Васильевич был назначен членом совета при Министерстве внутренних дел по делам книгопечатания, а в 1865 г. - членом совета Главного управления по делам печати, при котором несколько раз исполнял обязанности начальника цензурного ведомства. Специфика его работы оставила свой отпечаток на тех трудах, которые появились в этот период: «По поводу статьи Ф.Морошкина «Современное состояние русского гражданского законодательства» (1863), «Разбор книги М.Цеймерна и записки Н.Фрейберга об ипотеке» (1863), «О лекциях М.Михайлова и о речи К.Д.Кавелина» (1863).

Примерно в этот период появляется записка Н.В.Варадинова по поводу известной газеты «Московские ведомости». В октябре 1864 г. тайный советник Пржецлавский (поляк по происхождению) составил в виде записки обвинительный акт против указанного издания. Этот документ был подан для обсуждения в совете управления по делам печати 14 января 1865 г. В нем шла речь о том, что последнее восстание на польских землях Российской империи вызвало среди россиян возмущение и подняло волну патриотизма, что отобразилось во всех органах прессы. Один из них, а именно «Московские ведомости», занял ведущую позицию в этой ситуации. Передовые статьи этой газеты отличались смелостью взглядов, требовательностью во имя народных и государственных интересов. Но, как отмечал далее Пржецлавский, после периода так называемой «естественной» популярности настало время популярности искусственной. Газета стала как бы «сама изыскивать и даже создавать новые материалы, могущие в равной степени заинтересовать народное чувство... С этого же времени начался ряд столкновений с цензурой и властью, ожидавшими газету на этом скользком пути». Пржецлавский в своем обвинении делал ударение на опасном в революционном отношении характере деятельности издателя московской газеты. «Одно существование у нас факта слишком свободного суждения частной газеты о материях государственных и выходок противу лиц, занимающих высшие служебные положения, имеет в самом себе силу разлагающую, так как общество не может не видеть в них уклонения от законного порядка. Продолжительность и безнаказанность такого уклонения вовлекает и самое общество все более и более в привычку неуважения и установленных властей, и закона, и законности вообще...» [8]. Записка эта была разослана всем членам совета и обсуждалась на заседании 14 января 1865 г. Обвинения Пржецлавского были раскритикованы всеми членами совета.

В этом отношении одной из наиболее интересных была именно позиция Н.В.Варадинова. Он в своем докладе отметил тот факт, что в отечественной литературе уже были личности и издания, которые имели влияние на общество. Далее он перешел к характеристике «Московских ведомостей», доказывая, что эта газета «во-первых патриотическая, во-вторых монархическая, в третьих выражающая общественное мнение России». Варадинов высказал даже мысль о том, что еще никакое периодическое издание не выражало такую постоянную преданность престолу. О значении газеты как показателя общественного мнения, Николай Васильевич сказал, что «каждый читатель встречает в Московских Ведомостях в большей или меньшей степени собственные взгляды...». Далее он наводил примеры проявления расположения к издателям газеты со стороны университетской среды (Московского и Киевского университетов), духовенства и т.д. [9]. Подобное высказывание было абсолютно предсказуемым со стороны чиновника такого ранга, каким был Николай Васильевич.

Результатом таких выступлений членов совета, в частности Н.В.Варадинова, стало то, что обвинения Пржецлавского в адрес «Московских ведомостей» не имели для этого издания никаких последствий (наверное в этот период тяжело было ожидать иных результатов).

По нашему мнению, выступление Н.В.Варадинова в пользу «Московских ведомостей» частично можно объяснить не только реальными достоинствами самого издания, популярностью его среди населения или политической конъюнктурой того времени, но и тем возможным фактом, что Николая Васильевича и издателя газеты Михаила Никифоровича Каткова могли связывать теплые личные отношения и общие интересы. Недостаток документальных материалов не позволяет нам полностью доказать это.

Но М.Н.Катков и Н.В.Варадинов за несколько лет до инцидента с Пржецлавским занимались исследованиями в области системы делопроизводства в России. В результате этого в 1856 г. вышла в свет работа М.Н.Каткова «Руководство к наглядному изучению административного течения бумаг в России» и практически в этот же период (в 1857 г.), в Санкт-Петербурге был опубликован труд Н.В.Варадинова «Делопроизводство, или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел». Учитывая несовершенство системы делопроизводства, подобные работы были чрезвычайно актуальными для бюрократической системы Российской империи предреформенного периода. В связи с этим, берем на себя смелость предположить и во возможном знакомстве Варадинова и Каткова, которое могло развиваться на почве общих научных интересов.

В частности упомянутая работа Н.В.Варадинова имела большое самостоятельное значение. В ней автор разделил делопроизводство на теоретическое и практическое. К предмету теоретического делопроизводства он отнес так называемые внешние и внутренние свойства документов. В практическом делопроизводстве автор предложил свою классификацию документов, детально описал каждую разновидность документов и образцы конкретных бумаг [10].

Фактически каждая из работ Николая Васильевича Варадинова имела важное самостоятельное значение для современников, независимо от проблем, которые в них освещались и анализировались. Но наиболее значительное место среди этих произведений, бесспорно, принадлежит упомянутой выше восьмитомной «Истории Министерства внутренних дел» [11]. Это самая известная работа Варадинова, которая и ныне используется историками для изучения различных сфер жизни общества Российской империи первой половины XIX в., в частности экономической, религиозной, особенностей функционирования государственных учреждений того времени и т.п. В момент появления «Истории Министерства внутренних дел» эта работа сразу же стала необычайно популярной. Она сразу стала использоваться исследователями при изучении истории становления и развития административно-статистических учреждений России, системы министерского делопроизводства [12] и других вопросов.

Николай Варадинов изучил историю Министерства внутренних дел с момента его основания в 1802 г. до конца 50-х годов XIX в. Все это время автор разделил на три периода: 1-й – период начального становления министерства с 1802 г. по 1809 г., 2-й – период преобразований министерства с 1810 г. по 1825 г. (19 ноября) и 3-й – период становления министерства в том составе, в котором оно еще оставалось на момент написания книги с 19 ноября 1825 г.

«Истории министерства внутренних дел» автор посвятил шесть лет жизни, отойдя от написания других своих работ, отказываясь от сотрудничества с юридическими изданиями и от многих служебных предложений, используя колоссальное количество официальных архивных данных того времени. Как вспоминает сам Н.В.Варадинов, «...я рассматривал и изучал дела, хранящиеся в семи архивах Министерства, перечитывал тысячи дел каждого Департамента, год за годом; перечитывал один без помощников, опасаясь, что помощник пропустит что-либо или передаст не в том виде, в каком событие или распоряжение изложено в деле». Кроме архива Министерства внутренних дел автор использовал архивы других ведомств, «Полное Собрание Законов Российской империи», «Свод Законов», «С.-Петербургский журнал» (1804-1809 гг.), «Северная Почта» (1809-1819 гг.), «Журнал Министерства Внутренних Дел» (с 1829 г.), «Сенатские Ведомости» и др. [13].

Последующие работы Николая Варадинова появляются только с 1870-х годов: «Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати» (1878), «Свод узаконений и распоряжений правительства по устройству быта крестьян» (1885), статьи «Хлебопашество или мануфактура» (1870), «Федор Кернер, павший за независимость Германии в войну 1813 года» (1870), «Тюрьмы до учреждения попечительного о них общества» (1870). Но одной из наиболее значительных работ Н.В.Варадинова этого периода было исследование в области истории медицины «Аптекарский устав» (1880). Здесь достаточно полно рассмотрена история фармацевтики России, а также подан так называемый Аптекарский устав, составленный на основе российских законодательных

актов. Автор приводит подробную информацию обо всех медицинских учреждениях и их эволюции в Российской империи, уделяет внимание аптечному делу на украинских и российских землях («Аптека для солдат в Киеве», «Учреждение вольных аптек в Костроме и Нежине») [14].

Кроме исследовательской работы Николай Васильевич вел активную переписку со многими прогрессивными российскими деятелями (Н.И.Субботин, граф Д.Н.Толстой и др.), принимал участие в различных общественных мероприятиях. В частности он был инициатором создания пожарной службы в Гатчине, где он проживал с семьей. Кроме того, в 1866-1867 гг. он пожертвовал значительную сумму денег на постройку в родном г.Ромны кладбищенской церкви Духовенство всех церквей (окончена в 1873 г.).

В 1883 г. Н.Варадинов был назначен членом совета министра внутренних дел. Параллельно он был членом комиссии, которая выработала новый университетский статут 1884 г. Умер Николай Васильевич Варадинов 27 июля 1886 г. в Гатчине в чине тайного советника, оставив после себя достаточно большое количество исследований по разным отраслям знаний.

Заключение.

Таким образом, Николай Васильевич Варадинов, будучи выходцем из украинского купеческого рода, смог получить прекрасное для своего времени образование и достичь в жизни больших карьерных высот, при этом значительную часть времени посвящая исследовательской работе в области истории, права, медицины, образования. Прогрессивность его исследований заключается в том, что значительное их число имели прикладной характер: регулирование процессов документооборота, методические рекомендации для учебных заведений, изучение состояния системы образования, развития аптечного дела, имущественного права и т.д. Работы Н.В.Варадинова пользовались довольно большой популярностью, имели в основном положительные отзывы современников. Широкий спектр научных интересов, активная общественная деятельность, круг знакомств позволяют говорить о Николае Васильевиче как об одном из ярких представителей «просвещенной бюрократии». Хотя на сегодняшний день есть еще много «белых пятен» в его биографии, изучение которой остается актуальной задачей для исследователей.

Примечания:

1. Языков Д.Д. Обзор жизни трудов покойных русских писателей. Вып.6. Русские писатели умершие в 1886 г. СПб., 1890; Энциклопедический словарь / изд. Брокгауз и Эфрон. Т.Va. СПб., 1892. С.503; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т.IV, отд.2. СПб., 1895. С.79-81; Курилов И.А. Роменская старина. Исторические, статистические и бытовые записки о городе Ромне и его обывателях, от начала города до нашего времени. В четырех частях, с прибавлением исторического и статистического описания всех городских церквей. Ромны: Типография Б.Ционсона, 1898. С.106-109, 338-345; Субботин Н.И. Воспоминания о некоторых писателях прошедшего столетия и их письма. О Н.В.Варадинове / Русский вестник. 1905. Январь. СПб.: Типо-литография В.В.Комарова, 1905. С.72-83.

2. Власенко В.М. Варадинов Микола Васильович / Сумщина в іменах. Енциклопедичний довідник. Суми, 2004. С.62; Дегтярьов С.І. До біографії М.В.Варадінова / Сумський обласний краєзнавчий музей: історія та сьогодення. Суми, 2005. С.133-141; Дегтярьов С.І. Микола Васильович Варадінов – юрист та історик. До 190-річчя від дня народження / Земляки. Альманах Сумського земляцтва в Києві. Вип.4. Суми: Собор, 2007. С.93-95.

3. Lincoln W.B. In the wanguard of reform: Rissia's enlightened bureaucrats 1825-1861. Dekalb: Nothern Illinois univ. press, 1982. P.65.

4. Курилов И.А. Роменская старина. Исторические, статистические и бытовые записки о городе Ромне и его обывателях, от начала города до нашего времени. В четырех частях, с прибавлением исторического и статистического описания всех городских церквей. Ромны: Типография Б.Ционсона, 1898. С.106-109, 338-345.

5. Государственный архив Сумской области (далее - ГАСО), ф.996, оп.1, д.60. Дело спорное, возникшее между опекунами к имению и детям умершего купца Василия Варадинова. 1827-1828 гг., 65 лл.; ГАСО, ф.996, оп.1, д.75. Опекунское дело опекунов Стефана Бера и Филиппа Бардакова над имением умершего купца Василия Варадинова. Объявление и другие прошения. 1831 г., 8 лл.; ГАСО, ф.996, оп.1, д.94. Прощение уполномоченных от опекунов над детьми и имением умершего купца Варадинова В. о взыскании с бывшего приказчика Кислого А. растраченных им 6000 рублей. 1833 г., 33 лл.

6. Album Academicum der Kaiserlichen Universitat Dorpat. Dorpat, 1889. С.280.

7. Капустин М. Русская юридическая литература в 1855 году / Современная летопись «Русского вестника». 1856. С. 142-143.

8. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям) / Русский вестник. 1889. Март. С.131-134.

9. Там же. С. 138-140.

10. Варадинов Н.В. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг. СПб.: В Типографии Якова Трея, 1857. [VII], VIII, 393, X с.

11. Варадинов Н. История Министерства Внутренних Дел. В 8-ми тт. СПб., 1858-1863.

12. Варадинов Н.В. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг. СПб.: В Типографии Якова Трея, 1857. [VII], VIII, 393, X с.

13. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Т.8. СПб., 1863. С.1-III.

14. Варадинов Н. Аптекарский устав, извлеченный из свода законов, полных собраний законов, опубликованных циркуляров министерства внутренних дел, постановлений медицинского совета и разъясняемый историею законодательства. СПб., Типография Министерства Внутренних Дел, 1880. 12, LXX, 166 с.

References:

1. Yazykov D.D. Obzor zhizni trudov pokojnykh russkikh pisatelei. Vyp.6. Russkie pisateli umershie v 1886 g. SPb., 1890; Entsiklopedicheskii slovar' / izd. Brokgauz i Efron. T.Va. SPb., 1892. S.503; Vengerov S.A. Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh. T.IV, otd.2. SPb., 1895. S.79-81; Kurilov I.A. Romenskaya starina. Istoricheskie, statisticheskie i bytovye zapiski o gorode Romne i ego obyvatel'nykh, ot nachala goroda do nashego vremeni. V chetyrekh chastyakh, s pribavleniem istoricheskogo i statisticheskogo opisaniya vseh gorodskikh tserkvei. Romny: Tipografiya B.Tsionsona, 1898. S.106-109, 338-345; Subbotin N.I. Vospominaniya o nekotorykh pisatelyakh proshedshego stoletiya i ikh pis'ma. O N.V.Varadinove / Russkii vestnik. 1905. Yanvar'. SPb.: Tipo-litografiya V.V.Komarova, 1905. S.72-83.

2. Vlasenko V.M. Varadinov Mikola Vasil'ovich / Sumshchina v imenakh. Entsiklopedichnii dovidnik. Sumi, 2004. S.62; Degtyar'ov S.I. Do biografii M.V.Varadinova / Sums'kii oblasnii kraeznavchii muzei: istoriya ta s'ogodennya. Sumi, 2005. S.133-141; Degtyar'ov S.I. Mikola Vasil'ovich Varadinov – yurist ta istorik. Do 190-richchya vid dnya narodzhennya / Zemlyaki. Al'manakh Sums'kogo zemlyatstva v Kievi. Vip.4. Sumi: Sobor, 2007. S.93-95.

3. Lincoln W.B. In the wanguard of reform: Rissia's enlightened bureaucrats 1825-1861. Dekalb: Nothern Illinois univ. press, 1982. R.65.

4. Kurilov I.A. Romenskaya starina. Istoricheskie, statisticheskie i bytovye zapiski o gorode Romne i ego obyvatel'nykh, ot nachala goroda do nashego vremeni. V chetyrekh chastyakh, s pribavleniem istoricheskogo i statisticheskogo opisaniya vseh gorodskikh tserkvei. Romny: Tipografiya B.Tsionsona, 1898. S.106-109, 338-345.

5. Gosudarstvennyi arkhiv Sums'koi oblasti (dalee - GASO), f.996, op.1, d.60. Delo sporoe, voznikshee mezhdru opekunami k imeniyu i detyam umershego kuptsa Vasiliya Varadinova. 1827-1828 gg., 65 ll.; GASO, f.996, op.1, d.75. Opekunskoe delo opekunov Stefana Bera i Filippa Bardakova nad imeniem umershego kuptsa Vasiliya Varadinova. Ob"yavlenie i drugie prosheniya. 1831 g., 8 ll.; GASO, f.996, op.1, d.94. Proshenie upolnomochennykh ot opekunov nad det'mi i imeniem umershego kuptsa Varadinova V. o vzyskanii s byvshego prikazchika Kislogo A. rastrachennykh im 6000 rublei. 1833 g., 33 ll.

6. Album Academicum der Kaiserlichen Universitat Dorpat. Dorpat, 1889. S.280.
7. Kapustin M. Russkaya yuridicheskaya literatura v 1855 godu / Sovremennaya letopis' «Russkogo vestnika». 1856. S.142-143.
8. Mikhail Nikiforovich Katkov (po lichnym vospominaniyam) / Russkii vestnik. 1889. Mart. S.131-134.
9. Tam zhe. S.138-140.
10. Varadinov N.V. Deloproizvodstvo ili teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo k grazhdanskomu i ugolovnomu, kollegial'nomu i odnolichnomu pis'movodstvu, k sostavleniyu vseh pravitel'stvennykh i chastnykh delovykh bumag. SPb.: V Tipografii Yakova Treya, 1857. [VII], VIII, 393, X s.
11. Varadinov N. Istoriya Ministerstva Vnutrennikh Del. V 8-mi tt. SPb., 1858-1863.
12. Varadinov N.V. Deloproizvodstvo ili teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo k grazhdanskomu i ugolovnomu, kollegial'nomu i odnolichnomu pis'movodstvu, k sostavleniyu vseh pravitel'stvennykh i chastnykh delovykh bumag. SPb.: V Tipografii Yakova Treya, 1857. [VII], VIII, 393, X s.
13. Varadinov N.V. Istoriya Ministerstva vnutrennikh del. T.8. SPb., 1863. S.I-III.
14. Varadinov N. Aptekarskii ustav, izvlechennyi iz svoda zakonov, polnykh sobranii zakonov, raspublikovannykh tsirkulyarov ministerstva vnutrennikh del, postanovlenii meditsinskogo soveta i raz'yasnyayemyi istorieyu zakonodatel'stva. SPb., Tipografiya Ministerstva Vnutrennikh Del, 1880. 12, LXX, 166 s.

УДК 93/94

**Варадинов Николай Васильевич – представитель «просвещенной бюрократии»:
к биографии чиновника**

Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина
Кандидат исторических наук

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить основные вехи личной жизни, профессиональной и творческой деятельности одного из ярких представителей «просвещенной бюрократии» Российской империи XIX в., ученого, государственного деятеля Николая Васильевича Варадинова. Дана характеристика основных его научных трудов.

Ключевые слова: Николай Васильевич Варадинов; чиновник; исследователь; право; медицина; образование.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 11-17, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94

Letters and Diaries of E.M. Rudneva as a Historical Source

Tat'yana P. Khlynina

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of the Russian Academy, Russian Federation
Dr. (History)

Abstract. The article, studying the certain source, shows the possibilities of the published documents of personal origin for the study of anthropologic component of the Great Patriotic War, notes that they reconstruct the unusual image of war. It appears to the reader as a time of people, who fought and lived with a strong faith that life goes on against the odds. The paper emphasizes that habituation to this image for the professional society is still akin to the 'practice of wearing boots of the 41 size'.

Keywords: letters and diaries; E.M. Rudneva; historical source.

Введение.

Интерес современного исследователя к эпистолярному наследию Великой Отечественной войны необычайно высок. Он вызван, прежде всего, теми возможностями, которые предоставляет профессиональному сообществу обновленное историческое знание, пережившее за последнее десятилетие не один методологический поворот. В его пространстве история войны постепенно обретает не достававшее ей длительное время антропологическое измерение, превращаясь из идеологически выдержанного официоза в подлинную человеческую драму. Со страниц исторических сочинений война все чаще предстает не столько масштабным столкновением противоборствующих систем, сколько коллизией человеческих судеб. Судеб, воплотивших в себе горечи военных поражений и отчаяние первых побед; безыскусность быта тыловой жизни и какое-то неиссякаемое, исподволь дающее о себе знать стремление к его эстетизации; всепоглощающее чувство страха и головокружительной легкости. Война перестала восприниматься сплошной чередой преступлений, уступив место представлениям о ней как о жизни в чрезвычайных условиях.

Обсуждение.

Своему новому историографическому облику профессиональное знание о войне не в последнюю очередь обязано и начавшейся исследовательской реабилитации источников личного происхождения. Вплоть до начала 1990-х гг. они находились в тени признаваемых более достоверными официальных документов, безраздельное господство которых в исторической науке, собственно, и привело к утрате ею не только вкуса к деталям, но и «запаху человечины» (М. Блок). Однако процесс превращения историка войны в «сказочного людоеда» оказался долгим и не лишенным изрядной доли драматизма.

Великая Отечественная война стала для нашей страны не просто трагическим событием недавнего прошлого, память о котором не подлежит забвению. Она стала символом безусловных преимуществ советского строя и исторической оправданности его существования, прежде всего, в сознании поколения победителей. Приобретая со временем статус общенационального мифа, война из исторического события превратилась в место памяти. В отличие от истории память *«не взывает к критическому дискурсу»*, а *«помещает воспоминание в священное»* [1], лишая его, тем самым, присущей обыденной жизни логики здравого смысла и прозрачности понимания. Именно поэтому любая попытка приблизиться к иному видению событий военного времени встречает противодействие не только со стороны государства и общественных организаций, но и самого профессионального сообщества, являющегося зеркальным отражением происходящих в стране перемен.

Начавшаяся вслед за методологическим обновлением знания о прошлом источниковедческая революция буквально взорвала единое пространство официальной памяти о войне, сделав достоянием гласности множество иных памятей о ней. Со страниц дневников и писем того времени война нередко предстает не столько патриотическим порывом советского человека, сколько повседневной рутинной налаживанием быта и восстановления хотя бы какого-то подобия довоенной мирной жизни. Тематически и сюжетно расширяя исследовательский нарратив о войне, источники личного происхождения, вернее практики их использования, демонстрируют не только познавательные возможности источника, но и разнообразные коллизии его жизни в потоке времени. Речь, прежде всего, идет о неоднозначном и крайне противоречивом процессе взаимодействия исследователя с находящимися в его распоряжении источниками личного происхождения военного времени. Подверженные цензуре и сосредоточенные по преимуществу на передаче личных ощущений переживаемого момента, они с большим трудом встраивались в панорамные полотна беспримерного боевого и трудового подвига советского народа. И лишь со смещением исследовательского интереса к микроистории, повседневной жизни советского общества эта группа источников обрела свое второе рождение.

При этом исследовательская экспансия их освоения сосредоточилась в основном на неопубликованных архивных документах. Использование же опубликованных источников натолкнулось на стойкое недоверие к ним со стороны профессионального исследователя. Оно вызвано, прежде всего, тем, что при подготовке к печати тексты воспоминаний и писем проходят литературную обработку, превращая «наивное» письмо в строго продуманное сочинение на заданную тему; они избавляются от деталей и ненужных подробностей, тем самым, лишая источник подлинности и созвучности породившего его времени. Однако даже в таком «исправленном» виде дневники и письма не теряют своей исследовательской привлекательности, сохраняя для историка возможность, получить ответы на многие интригующие его воображение вопросы, нередко выходящие за пределы возможностей самого исторического познания.

Так, дневники и письма Героя Советского Союза Е.М. Рудневой публиковались трижды [2]. Как отмечает в предисловии к последнему изданию И.В. Ракобольская, усилиями которой они стали достоянием памяти о войне, *«объем книги, да и собственный взгляд редактора предыдущих изданий привели к тому, что было сделано много купюр в тексте, особенно ограничены материалы, охватывающие годы учебы в университете»*. Ряд «тоненьких тетрасточек» с воспоминаниями Е.М. Рудневой осел по окончании войны в школах и пионерских дружинах, носивших ее имя, а дневники 1940 – 1941 гг. оказались и вовсе утерянными [3]. Накануне 50-летия Победы командир 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка И.В. Ракобольская, штурманом которого была Е.М. Руднева, попыталась вновь собрать все сохранившиеся о ней материалы. Предыдущие издания пополнились письмами подруги, архивными документами и комментариями, *«чтобы понятнее стала обстановка, в которой они (дневники и письма – авт.) писались»*. В книге появились *«небольшие фрагменты из того, что написано было о Жене ее однополчанами и полнее раскрывает ее образ»* [4]. Итогом этих усилий стало появление полноформатного метадокумента, выходящего далеко за пределы собственно биографического повествования.

Необходимость переиздания «этого поразительного человеческого документа» для И.В. Ракобольской была вызвана не только желанием *«снова оглянуться назад, пока еще живы свидетели тех трудных лет и подвигов наших дорогих друзей, пока не растеряны их свидетельства»*, сколько стремлением прояснить нынешнему поколению «много странного и непонятного» из событий того времени. В частности, сквозь призму живого свидетельства помочь ему приблизиться к пониманию того, *«откуда у молодой студентки-астронома могло появиться желание быть в комсомоле, партии, готовить себя к обороне Родины, а когда грянула война – добровольно уйти на фронт»* [5]. Представляется, что опыт подобного понимания полезен и профессиональному исследователю, для которого человеческое измерение войны остается плохо освоенной и в ряде случаев все еще непроходимой территорией.

Показательно, что в последние годы в профессиональных изданиях появляются нотки скепсиса в оценках природы патриотического порыва и искренней веры многих советских людей в защищаемое ими правое дело. Сегодняшнее знание о большой войне, выигранной чрезмерным напряжением жизненных сил и воли миллионов советских граждан, зачастую переносится на реалии совершенно иного времени, когда *«кругом столько ужаса и крови, а у меня, наверно, сейчас самое счастливое время. Во всяком случае, жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием, так мне кажется. И вот у меня двойная жизнь: в мыслях о будущем все рисуется туманно, но очень светло. Ведь главное – кончится война»* (2 декабря 1942 г.) [6]. Время, очевидцы и творцы которого запомнили его не столько тяжелым испытанием на прочность первого в мире государства победившего социализма, сколько проверкой на крепость своих чувств, привычек, отношений с родными и близкими им людьми. Их «наивное» повествование о войне, порой лишённое высокого устремления к мести «за поруганную честь родины», в качестве исторического источника не менее ценно, чем статистически выверенные сводки боевых действий отдельных подразделений Красной армии или партизанских соединений. Именно благодаря этой наивности мы понимаем, что жизнь не остановилась, а находила все новые формы своих проявлений, для которых война оставалась всего лишь временным фоном.

Евгения Максимовна Руднева родилась в 1920 г. в Бердянске. В 1929 г. семья переехала в Подмосковье. По окончании школы она поступала на механико-математический факультет МГУ, а в октябре 1941 г. наряду со многими сверстницами ушла на фронт. Ее фронтовая жизнь оказалась тесно связанной с авиацией: школьное увлечение астрономией переросло в сознательный выбор штурманской школы, откуда она попала в легендарную эскадрилью «ночных ведьм». Как впоследствии писала И.В. Ракобольская: *«В годы Великой Отечественной войны был такой необыкновенный полк – 46-й гвардейский, Таманский, дважды орденоносный полк ночных бомбардировщиков, летавший на самолетах По-2. В этом полку мужчин не было. От техника до командира полка – одни только женщины. В основном девочки от 17 до 22 лет... Штурманами ... стали в основном студентки вузов – математики, физики, историки, уже проявившие способность к науке и пожертвовавшие ею, чтобы помочь Родине. Они быстро освоили новую специальность и внесли в полк особую атмосферу: в краткие перерывы между боями проводились философские и тактические конференции, выпускались литературные журналы, писались стихи...»*. Е.М. Руднева стала для полка *«звездочетом и сказочником»*, *«милой, нежной, любимой подругой»* [7], которой совершенно не шла военная форма, а на *«маленьких ногах болтались сапоги 41-го размера с задранными вверх носами»* [8].

Едва ли ее дневники и письма расскажут нам больше о боевом пути полка, чем сухая отчетность его командного состава. Однако она не может заменить собою ни остроты впечатлений, ни апатии усталости тех, кто вопреки инстинкту самосохранения и приказам начальства жертвовал собою во имя оставленной мирной жизни. Жизни, наперекор войне, бравшей свое и властно требовавшей обустройства быта, элементарной гигиены и досуга. В этом отношении эпистолярное наследие Е.М. Рудневой, равно как и многие другие опубликованные дневники, письма и воспоминания участников войны, может оказать историку неоценимую услугу, став для него проводником в мир военного повседневья, пространство которого удивительным образом напоминало о не прерывавшейся связи с довоенным временем, проясняло его течение и наполненность.

Дневники Е.М. Рудневой охватывают 1934 – 1944 гг., письма датируются октябрём 1941 – апрелем 1944 гг. Дневниковые записи, которые она стала вести с 14-летнего возраста, вплоть до 1941 г. носили регулярный и в тематическом отношении очень разносторонний характер. В годы войны они стали менее регулярными, более подробными и в содержательном отношении очень цельными. Обращает на себя внимание их временная выверенность и точность: помимо привычной даты записи, всегда присутствует время, выражаемое либо часами, либо определенной частью суток: *«Вчера утром я летела на разведку с Надей. Туда – почти до Сергеевского – 32 минуты, а обратно 8 минут... С Мартой мы два раза взлетали и садились, а на третий раз набрали 200 м и полетели в Красное. Знала я малую путевую скорость, но такой! 60 км летели 1 час 50 минут! А всего в воздухе были 2.08»* (25 января 1943 г.) [9]. *«3 часа дня. Вчера вечером мы, наконец-то, убрались оттуда. Пытались заблудиться и даже сбили с пути истинного братиков, но скоро опомнились. Прибыли в Варваринское поздно вечером, помылись, поужинали всухомятку и уснули – крепко-крепко. Ночью кто-то стянул с меня шинель... В 5 часов утра тронулись в Абинскую. Там была трехминутная остановка...»* (30 августа 1943 г.) [10].

В письмах отчет времени велся от момента получения или отправки предыдущего письма: *«Милые мои, золотые! Мамуленька! Папист! Я на вершине блаженства – сегодня получила, наконец, вашу открытку от 13.11.41 г. Я знаю ее почти наизусть, столько уже раз читала всем вслух...»* (1 декабря 1941 г.) [11]. *«Мамочка, получила вчера вечером твое письмо от 17 декабря, а два дня перед этим – за 18 и 21 декабря»* (17 января 1943 г.) [12]. Однако под воздействием происходящих событий время из меры и количественной характеристики нередко превращалось в индикатор эмоционального состояния: *«Но злая я сейчас такая, какой ты меня еще ни разу не видела, – они, проклятые гады, разбомбили мой университет, мой любимый университет. Мне хочется выучиться и как можно злее им отомстить за университет, за сожженное Пулково, за разгромленный Екатерининский дворец, за все, может и за вас, мои родимые, потому что я ничего о вас не знаю»* (14 ноября 1941 г.) [13]. *«Сегодня у нас хорошее настроение – Совинфобюро сообщило о прорыве на Северо-Западном фронте...»* (24 января 1942 г.) [14]. *«У меня сейчас очень хорошее настроение: получила от Лени письмо на английском языке. Довольна, потому что все поняла, а то уж я боялась, что совсем английский язык забыла»* (21 февраля 1942 г.) [15].

Плотность, разреженность и направленность времени всецело зависели от местонахождения «человека воюющего», выполняемых им задач и возможностей располагать собою. Оказавшись осенью 1941 г. в Энгельской военной авиационной школе пилотов, курсанты столкнулись с жесткой дисциплиной и распорядком дня. В письмах к родителям Е.М. Руднева, привыкшая к покорению любых научных вершин, с огорчением отмечала, что ей очень плохо дается освоение азбуки Морзе, и она тратит на нее все свое свободное время: *«Я готовлюсь к празднику 7 ноября и усиленно изучаю азбуку Морзе. Папист, мне осталось выучить всего лишь шесть букв. Остальные принимаю на слух, но еще плоховато, вот вчера пропустила Л и Ц, сегодня их путала»* (5 ноября 1941 г.). *«Папист, завтра пишу контрольную работу по приему цифр. Буквы я принимаю все, но плохо»* (14 ноября 1941 г.) [16]. Немного пугали холода и боязнь с их наступлением потерять хорошую физическую форму: ежедневную зарядку на свежем воздухе заменили 15 минутной пробежкой. Однако больших изменений, резко менявших привычное течение жизни, она в тот момент времени еще не ощущала. Из небольшой подборки опубликованных за 1941 г. писем мы узнаем о капризах погоды (*«погоды у нас стоят чудные – тепло, солнышко совсем летнее, ходим раздетыми»*); выданной теплой форме (*«особенно хороши шапки с ушанками»* и *«чудные ватные варежки»*); хорошей еде (*«селедка, масло, сахар, хлеб, был даже сыр»*). Е.М. Руднева отмечала, что война поменяла статус денег, которые как-то вдруг утратили свое прежнее материальное обаяние: *«Пишешь о деньгах – мне их девать некуда, интересное у нас к ним отношение теперь – деньги абсолютно не представляют ценности, потому что нам из еды или одежды ничего не нужно. Я трачу их на карандаши, духи, больше отдала в фонд обороны. Теперь, как только Гитлера отгонят от Москвы, я буду присылать их вам – вам-то они, наверное, не помешают»* (1 декабря 1941 г.) [17].

Практически для всех девушек, соприкоснувшихся с армейской жизнью, куда большим потрясением, чем еще не виденные ими ужасы войны, оказалось их внешнее преобразование. По этому поводу И.В. Ракобольская вспоминала: «... Нам выдали военные обмундирование. Но как мы неловко чувствовали себя в форме, когда надели ее в первый раз! Большие гимнастерки и брюки, длинные мешковатые шинели и – самое мучительное – сапоги от 40-го до 43-го размера... Нарочно нельзя было придумать одежды, так сильно лишаящей девушек привлекательности! Если еще добавить противогаз и флягу на боку...». Первый приказ, который выслушали на перроне г. Энгельса 23 октября курсанты летной школы, касался всеобщей стрижки «под мальчика», где дозволительной длиной волос «спереди» выступало пол-уха [18]. Расставание с косами шло со слезами, а уже через месяц Е.М. Руднева писала домой: «Интересно – узнали бы вы меня теперь – ведь я совсем мальчишка. Похожа на папу в молодости. Интересно, вчера я подумала о том, что как по всему привыкаешь – я вполне легко прыгаю по лестницам на четвертый этаж в сапогах 41 размера. Когда их нам в Москве выдали, мы не умели в них ходить, а теперь я наворачиваю портянки и прекрасно себя целый день чувствую. Из юбки я сделала четыре портянки, а остальные вещи сдала здесь на хранение» (1 декабря 1941 г.) [19].

С переходом в действующую армию и получением определенных обязанностей война из дела, к которому готовили («я занимаюсь, но не в университете, как ты, мамуля, думаешь, а готовлюсь для ухода на фронт. Мы сидим в тылу для того, чтобы овладеть грозным оружием»), стала реальностью повседневной жизни. Тональность писем и дневниковых записей меняется в сторону оценок людей, повышается требовательность к себе. Е.М. Руднева много размышляла о прочитанных книгах, просмотренных кинокартинах, делилась новыми бытовыми открытиями. Так, 24 октября 1942 г. на день рождения «одной из многих, одинаково дорогих» она получила «своего рода боевое крещение»: впервые в своей жизни выпила шампанского. «А сегодня мы с перерывами выпили по два стакана этого шипучего, но вовсе не такого вкусного, как я думала, вина» [20].

Заключение.

Дневники и письма Е.М. Рудневой как источник по истории далекого и теперь уже малопонятного нам времени рисуют не совсем привычный образ войны. Она предстает перед читателем временем, в котором не только воевали, но и жили люди с твердой верой в то, что жизнь вопреки всему продолжается. Привыкание к этому образу для профессионального сообщества пока еще сродни «умению носить сапоги 41-го размера». Однако путь к освоению истории войны никогда еще не был столь извилистым и одновременно многообещающим.

Примечания:

1. Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 20.
2. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1954; 1958; 1995.
3. Ракобольская И.В. Предисловие к третьему изданию // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997. С.7; Как отмечала сама Е.М. Руднева 2 декабря 1942 г., «потом приезжал этот идиотский писатель Купер, утащивший у меня дневник» // Там же. С. 128.
4. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 8.
5. Там же.
6. Там же. С. 123.
7. Ирина Ракобольская: Ночные ведьмы. URL: tamanskipolk46.narod.ru/p285aa1.html (Дата обращения: 10.05.2012).
8. Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 15.
9. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997. С. 147.
10. Там же. С. 195.

11. Там же. С. 91.
12. Там же. С. 144.
13. Там же. С. 90.
14. Там же. С. 96.
15. Там же. С. 97.
16. Там же. С. 89, 91.
17. Там же. С. 91.
18. Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 14, 15.
19. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С.91.
20. Там же. С. 119.

References:

1. Nora P. Frantsiya – pamyat'. SPb., 1999. S. 20.
2. Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. M., 1954; 1958; 1995.
3. Rakobol'skaya I.V. Predislovie k tret'emu izdaniyu // Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. M., 1997. S.7; Kak otmechala sama E.M. Rudneva 2 dekabrya 1942 g., «potom priezzhal etot idiotskii pisatel' Kuper, utashchivshii u menya dnevnik» // Tam zhe. S. 128.
4. Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. S. 8.
5. Tam zhe.
6. Tam zhe. S. 123.
7. Irina Rabokol'skaya: Nochnye ved'my. URL: tamanskipolk46.narod.ru/p285aa1.html (Data obrashcheniya: 10.05.2012).
8. Kto oni, eroi voiny? // Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. S. 15.
9. Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. M., 1997. S. 147.
10. Tam zhe. S. 195.
11. Tam zhe. S. 91.
12. Tam zhe. S. 144.
13. Tam zhe. S. 90.
14. Tam zhe. S. 96.
15. Tam zhe. S. 97.
16. Tam zhe. S. 89, 91.
17. Tam zhe. S. 91.
18. Kto oni, eroi voiny? // Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. S. 14, 15.
19. Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. S.91.
20. Tam zhe. S. 119.

УДК 94

Письма и дневники Е.М. Рудневой как исторический источник

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия
Доктор исторических наук

Аннотация. В статье на примере конкретного источника показываются возможности опубликованных документов личного происхождения в изучении антропологической составляющей Великой Отечественной войны. Отмечается, что они воссоздают не совсем привычный образ войны. Она предстает перед читателем временем, в котором не только воевали, но и жили люди с твердой верой в то, что жизнь вопреки всему продолжается. Подчеркивается, что привыкание к этому образу для профессионального сообщества пока еще сродни *«уменью носить сапоги 41-го размера»*.

Ключевые слова: письма и дневники; Е.М. Руднева; исторический источник.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 18-25, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94

Ethnoreligious Mosaic of the Late Imperial Russia: National and Confessional School of Uyezd Chistopol

¹Irina V. Kornilova

²Timur A. Magsumov

¹⁻² Naberezhnochelninsky Institute of Socio-educational technologies and resources, Russian Federation
423806, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, str. Nizametdinova, 28

Abstract. The paper considers regional interpretation of politics, concerning imperial space consolidation on the example of schools of uyezd city of polyethnic Povolzhskiy Region. The fact that modernization processes, supported by the demands of the local elite, prevailed over traditionalistic policy of the authorities, concerning the creation of the united nation, aimed at the maintenance of the viability of the imperial regime is stated.

Keywords: education; Chistopol; nation; religion; Russian Empire.

Введение.

В позднеимперский период российской истории в нашей стране происходит одно из ключевых цивилизационных изменений – осознание политическими элитами этнической разнородности империи и попытки эту разнородность преуменьшить, чтобы создать единую русскую нацию. Эти устремления особенно ярко выражались в отношении востока империи, где власти концентрировали свои весьма противоречивые усилия в идеологии и публичной практике в педагогической, научной, религиозной и политической сферах. В особенности этот процесс коснулся образования как области, где культурная трансформация Востока мыслилась цивилизаторскими идеологами как наиболее подходящая и потенциально эффективная для создания однонационального государства.

Указанные проблемы рассматриваются нами на примере Чистополя – одного из уездных центров многонациональной и поликонфессиональной Казанской губернии. Именно Казанский край был для Российской империи своеобразным «окном на Восток», являясь одновременно лабораторией теории и практики интеграции обширной страны. Сосредоточенность на нетипичном – не казанском (в урбанистическом смысле) – компоненте обусловлена необходимостью анализа всего многообразия региональной этноконфессиональной специфики на микроуровне, поскольку именно небольшие уездные города становятся своеобразными узловыми центрами социальной жизни, где тесно переплеталась городская и деревенская культуры, бок о бок жили и взаимодействовали представители разных сословий, вероисповеданий, национальностей.

Материалы и методы.

Вышеназванными постулатами объясняется особенность подбора источников и методов. Превалирование толкования процессов определило незначительное привлечение

источниковой базы, применение которых шло классически источниково – посредством привлечения нормативно-правовых документов, делопроизводства и в особенности материалов периодической печати (прямолинейно отражавшей этнорелигиозные темы), а также историографически – рассматривая труды историков в особой форме по данной теме.

Источники анализируются нами в историко-генетическом ключе с помощью историко-сравнительного метода при главенстве в историографическом анализе метода целостности и обязательной ориентацией на ценностный подход при неукоснительном учете междисциплинарности изучаемой проблемы. Определяя методологические основания исследования, авторы использовали научные подходы, свойственные модернизационной парадигме, образовательной урбанистике и адаптивно-деятельностной культурологии. Результаты исследования структурированы в проблемно-хронологическом порядке.

Обсуждение проблемы.

Вопрос о национальной и религиозной школе в советской историографии по большей части замалчивался, в лучшем же случае рассматривался как негативный фактор «русификаторской политики царизма». Последнюю идею активно продолжила российская историческая наука 1990-х гг., заикленная, как и все общество того времени, на абсолютизации этнорелигиозных проблем в истории. Позитивные тенденции последних лет – широкий междисциплинарный контекст исследования, понимание противоречивости имперской политики, внимание к региональным измерениям – способствовали качественному росту изысканий в этой сфере [1; 2; 3; 4].

Результаты.

В соответствии с масштабной реформой народного образования начала XIX в. была задумана и осуществлена в 1808-1818 гг. реформа духовного образования. Ближайшей целью ее явилось стремление устранить негативные стороны системы духовного образования, придать единство и преемственность всем ступеням духовной школы, поднять уровень образования. Важно подчеркнуть эту зависимость изменений в жизни духовной школы с преобразованиями, проводимыми в светских учебных заведениях [5, с. 20]. По существу, именно с этого момента духовная школа включилась в своеобразную гонку со светской, стремясь не отстать от нее по уровню образования.

Значительную роль в подготовке и проведении реформы духовного образования сыграли два выдающихся человека: крупный государственный деятель М.М. Сперанский и не менее известный труженик Церкви – митрополит Филарет (Дроздов). Именно М.М. Сперанский задал основное направление в изменении подхода к целям духовного образования. Он считал, что «цель просвещения есть без сомнения твердое и основательное изучение Религии». Духовное образование, подчеркивал М.М. Сперанский, призвано сформировать «просвещенных и благочестивых служителей Церкви», поскольку «требовался просто знаток священных текстов, механически их воспроизводящий, а богослов, толкователь, понимающий потаенный смысл Священного Писания» [6, с. 95].

Низшими духовными учебными заведениями российской глубинки были уездные приходские и духовные училища, призванные дать первоначальное образование детям из среды православного духовенства. Духовные учебные заведения, оказавшие влияние на формирование религиозно-нравственного уклада и развитие культурно-образовательного уровня провинциальных жителей, были основаны, а затем и функционировали благодаря огромным усилиям местного духовенства, благотворителей и прихожан.

Духовные училища в Российской империи принадлежали к Ведомству Православного Исповедания и были не столько профессиональными и религиозными, сколько сословными учебными заведениями, предназначенными для мальчиков из семей духовенства. В духовные училища поступали мальчики, владевшие основами грамоты, в большинстве своем они получали домашнее образование. Срок обучения составлял 5–6 лет, обучение было бесплатное, мальчики были на казенном содержании. Изучались дисциплины общеобразовательного цикла, а также богословские предметы. Лучшие выпускники могли продолжить обучение в духовных семинариях. Остальные поступали на службу в Ведомство Православного Исповедания, служили низшими членами причта – дьячками, пономарями, псаломщиками. Были и те, кто покидал духовное сословие, становился мелким чиновником

или служащим, так как грамотность в России XIX столетия уже была своеобразной квалификацией.

В Казанской губернии, многонациональной и этноконфессиональной по своему составу, в течение долгого времени не было духовных училищ, вместо них действовали приготовительные классы в Казанской духовной семинарии. И только в 1829 г. было открыто сразу три духовных училища – Свияжское (позже переведено в Казань), Чебоксарское и Чистопольское.

Чистопольское духовное училище было основано в 1829 г. благодаря благотворительным инициативам купцов, выразившимся в материальной поддержке учебных заведений, прежде всего духовных. В этом прослеживалось неравнодушное отношение к развитию образования в купеческой среде города. Ежегодно купцы Чукашевы, Мешкевичи тратили на дела благотворительности огромные суммы, причем писать об этом они запрещали, исходя из осознания евангельской истины, гласящей о том, что милостыня должна быть тихой.

Училище первоначально разместилось в доме, купленном у чистопольского купца Леонтия Ивановича Мешкичева. Позже, в 1891-1895 гг., на этом месте было построено новое трехэтажное здание училища с Домовой церковью во имя святой равноапостольной царицы Елены. Это здание прекрасно сохранилось до наших дней на улице Бебеля, 121/33. Здание было построено по проекту казанского архитектора Льва Казимировича Хрцоновича (1838–1907), на пожертвования купцов Григория Егоровича и Николая Егоровича Чукашевых, представителей той части известного купеческого рода, которая из старообрядчества обратилась к господствующей церкви [7, с. 60].

По штатам в училище было 5–6 преподавателей, большинство из них были выпускники Казанской духовной академии, одни имели сан священника, другие – чин по табели о рангах. Во главе училища стоял смотритель. Большим авторитетом у учеников и преподавателей пользовался смотритель училища в 1885–1901 гг. протоиерей Василий Андреевич Миртов (1852–1903), выпускник Казанской духовной академии 1876 г. Новое здание училища было построено благодаря его энергичной деятельности.

Учащимися духовного училища в первой половине XIX века были дети духовенства из Чистопольского, Лаишевского и Мамадышского уездов. Число учащихся составляло 120–140 человек. Воспитанием ребят призваны были заниматься смотритель, его помощник и четверо надзирателей. Все надзиратели являлись выпускниками духовных семинарий. Они получали небольшую зарплату, пользовались казенным жильем и бесплатным столом. За каждым классом закреплялся один надзиратель. Его обязанности сводились к наблюдению за учебной и внеклассной дисциплиной, а также докладам начальству о тех, кого следовало наказать за те или иные провинности. Жизнью учащихся надзиратели почти не интересовались. Система воспитательной работы тогда отсутствовала. Тем не менее, дисциплина в целом была хорошая. Ученики держались на тех устоях, которые получили в семейном воспитании.

Духовные школы рассматривались правительством как «кузница кадров» для различных ведомств. Так, выпускниками Чистопольского духовного училища были известные личности – архимандрит Палладий (Петр Иванович Кафаров) (1817–1878), священнослужитель Православной Российской Церкви, начальник 13-й Русской Православной миссии в Пекине, создатель китайско-русского словаря и транскрипционной системы; Михаил Константинович Элпидин (1835–1908), революционер-шестидесятник, крупнейший издатель нелегальной литературы, наследник А.И. Герцена и Н.П. Огарева в деле вольного русского слова.

Решающей в жизни училища стала реформа 1867 г., когда был принят новый Устав училищ. Согласно ему в каждой епархии создавались училищные округа по числу духовных училищ. Училище поступало на полное содержание своего училищного округа. Устав предусматривал ежегодные съезды представителей духовенства училищного округа, на которых рассматривалось текущее положение дел в училище и решение вопросов об изыскании средств на его содержание. Эта система финансирования позволила упорядочить материальное положение училища и более или менее удовлетворительно покрывать все основные нужды учебно-воспитательного процесса, оплату труда преподавателей и организацию бытовых условий жизни училища. Срок обучения в училище остался прежним

– четыре года. Разрешено было принимать детей из других сословий с внесением умеренной платы за обучение [8]. Поэтому во второй половине XIX – начале XX века в училище учились и дети чистопольских горожан (20–30 человек), а училище получало за это дотации от городской управы. Реформа была ориентирована на повышение уровня образования в училищах. Обращалось внимание на качество преподавания и методику проведения занятий. Предусматривалось развитие начатков самостоятельного мышления учащихся, усиления их интереса к предметам за счет связи изучаемого с жизнью.

В 1895 г. при Успенском женском монастыре была открыта церковно-приходская школа для девочек, содержавшаяся на городские средства. Размещалась школа в двухэтажном деревянном здании. Следует заметить, что обучение младших девочек старшими велось и раньше, но келейно, т.е. в меру своих знаний и сил. С открытием школы появилась возможность обучать не только монастырских, но и приходящих девочек, причем давать им более глубокие знания по основным духовным дисциплинам, обучать началам грамоты, а также рукоделию. Немаловажным фактом было наличие своей библиотеки. Различий между дочерьми священнослужителей, дворян, купцов, мещан, крестьян и сиротами не делали. В начале XX века в школе обучалось около 150 учениц, и преподавали три учительницы [9, с. 67].

Серьезное значение делу воспитания и обучения подрастающего поколения придавали старообрядцы Чистополя. Так, председатель чистопольской старообрядческой поморско-брачной общины коммерции советник Петр Матвеевич Шашин на свой счет воздвигнул «прекрасное во всех отношениях, отвечающее современным требованиям гигиены и школьной строительности каменное здание» [10]. Показательно, что в Казани, где старообрядческие общины были многочисленнее, подобного училища так и не появилось. На содержании поморской общины находилось старообрядческое городское двухклассное училище, состоящее из пяти отделений, открытое в 1907 г. по разрешению Министерства народного просвещения. Училище, функционировало согласно уставу 1828 г. с программами по инструкции 1875 г.: «1) преподавание Закона Божия производить по программам, составленным и выработанным общиной и утвержденным министерством народного просвещения; 2) чтобы означенное преподавание (Закона Божия) поручено было избранному общиной и утвержденному в должности учебным начальством вероучителю» [11].

На содержание училища со стороны казны было ассигновано по 1 200 руб. в год. Со своей стороны П.М. Шашин, приобрел всю классную мебель, учебные пособия, весь необходимый инвентарь и пожертвовал на вечные времена капитал, проценты с которого на нужды училища ежегодно будут давать около 700 руб. Оклад жалованья учащим назначен был следующий: заведующему училищем при готовой квартире, отоплении и освещении 400 руб. в год, учительнице без квартиры 400 руб. в год. Вероучителю сначала было назначено за Закон Божий 150 руб. и за пение 75 руб., но затем это вознаграждение, как временная мера, было увеличено до 420 руб. в год, при готовой квартире, ее отоплении и освещении. За первый год жизни школы израсходована была следующая сумма: из 1 900 руб. годовых средств на жалованье учащему персоналу (считая 36 р. за заведывание училищем) выдано было 1 256 руб.; прислуге – 120 руб. На отопление и освещение – 292 руб. 71 коп.; на выписку книг, пособий, журналов, на хозяйственные принадлежности, канцелярию и другие мелкие расходы – 100 руб. 25 коп. Всего за год – 1 768 руб. 96 коп. Кроме того, учредителем училища П.М. Шашиным была произведена крупная единовременная затрата. Здание обошлось в 23 000 руб.; мебель, пособия и библиотека – 3 450 руб. Капитал, внесенный на вечные времена в чистопольское отделение государственного банка, равняется 16 400 руб. Как уже было сказано, проценты от этого капитала, согласно заключенных условий, должны идти исключительно на содержание и нужды вновь открытого чистопольского старообрядческого училища [12].

В первом 1907-1908 учебном году Закон Божий, чтение по старопечатным книгам и пение (в первом году не по «солям», а только «по напевке») преподавал вероучитель, бывший учитель яковштадского старообрядческого казенно-приходского училища, П.У. Ваконья; русский язык, арифметику, чистописание и рукоделие преподавали заведующий училищем Д.А. Кузнецов и учительница М.Л. Кокурина. Весь учащий персонал в должностях утвержден был директором народных училищ, а П.М. Шашин – высшим

начальством в звании почетного блюстителя училища. В число учащихся поступали дети трех согласий старообрядцев г. Чистополя: поморцы-брачные, поморцы-безбрачные (феодосиевцы) и «по кресту». От старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, в первом году прошений о приеме не поступало. Училище совместно обучало мальчиков и девочек, в одних комнатах. В первом учебном году обучалось около 90 человек. В последующие годы количество обучающихся и преподавателей сократилось. Так, в 1914 г. в нем работали четыре преподавателя и обучались 67 мальчиков и девочек [13].

Кроме неоднократных посещений и ревизий училища инспектором народных училищ И.Н. Стрельниковым, который пользовался уважением среди местного старообрядчества, училище удостоено было посещением: попечителя Казанского учебного округа А.Н. Деревницкого и его помощника, казанского губернатора М.В. Стрижевского, директора народных училищ Казанской губернии М.Н. Пинегина, автора труда «Казань в ее прошлом и настоящем» (1890). На праздники Рождества Христова и св. Пасхи, в присутствии членов общины Н.В. Маланьичева, Е.П. Шашина, Ф.Г. Зайцева, П.П. Шашина и инспектора, в училище устраивались праздники для детей. Хор детей исполнял праздничные духовные песнопения, после чего всем детям раздавался чай и подарки.

В целом, старообрядчество Чистополя, составляющее значительную долю населения города, играло важную роль в культурном развитии края.

Говоря о структуре образования в уездных городах Казанской губернии, следует иметь в виду, что ей были присущи не только общероссийские черты, но и региональные особенности. Национальный сектор образования был представлен мектебе, медресе и кружками при мечетях. Все мектебе и медресе содержались на средства населения, расходы на них покрывались за счет добровольных пожертвований жителей. Государство практически никаких средств на них не отпускало. Народ не только строил школы, но и содержал их, отапливал и освещал, платил учителю, покупал учебники. Некоторые школы содержали целиком отдельные состоятельные люди из татар. По мнению Т. Давлетшина, татары были в состоянии строить и содержать большое количество школ не потому, что обладали большими средствами, а потому, что были экономными. Будучи мусульманами, они не употребляли спиртных напитков, и поэтому те средства, которые соседние народы тратили на водку, направляли на просвещение [14, с. 49]. Как мектебе, так и медресе, даже реформированные, в которых изучались светские науки и европейские языки, считались религиозными, то есть в основной своей массе татарские дети получали религиозное образование.

Открытие татарских светских школ правительством ставились различные преграды, которые существовали вплоть до 20 марта 1917 г., когда Временным правительством было издано постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» [15].

Школьная политика правительства в Казанской губернии вела, с одной стороны, к расширению государственной сети школ, а с другой, к «огосударствливанию» мектебе и медресе, к подчинению их интересам государства [16, с. 40]. На практике преобладало первое направление.

Следует отметить, что начальное образование у татар все же отличалось большей светскостью, чем мусульманское образование у других народов Востока. Образование нерусских народов ограничивалось начальной школой. Правительство выступало против обучения их детей в гимназиях и университетах.

В Чистополе татарская община была многочисленной, уже в 1817 г. в городе был мусульманский приход с мечетью. В 1874 г. был открыт второй мусульманский приход. В соответствии с мусульманскими традициями при мечетях издавна существовали конфессиональные школы – мектебе и медресе. Среди татарского населения города широко была распространена грамотность на основе арабской графики, а в высших слоях общества – знание арабских и персидских языков. Однако в них не изучали русского языка.

С середины XIX в. в Чистополе действовало весьма крупное по тем временам медресе «Камалия», названное по имени имам-хатиба Чистополя Мухамед-Закира, сын Габдул-Вагапа, Камалова (Абдул-Вагапов) (1804-1893). Закир ишан Камалов еще в начале своей деятельности в г. Чистополе построил на свои (и семейные) деньги добротное помещение для медресе, и с 1847 г. преподавал в нем. Известно, что медресе «Камалия» и мектебе при нем были построены в разные годы (и реконструированы) на средства Закира ишана и

целиком содержались за его же счет. В 1874 г. на средства имам-хатиба Мухаметзакира Мухаметкамалова для него было построено двухэтажное кирпичное здание (ул. Нариманова, д. 85) [17]. Позднее, в 1893 г., в духовном завещании Камалов писал, что в этом медресе на протяжении 46 лет на собственные средства он обучал богословским наукам и утверждает право преподавать сыну Ибрагиму (1876-1930) и другим лицам, не выходя за рамки, предписанные ишаном при его жизни, только религиозные дисциплины, а также татарский, арабский и персидский языки. Набор предметов для медресе был традиционным.

Согласно официальным данным, в 1874 г. в этом медресе обучалось 45 мальчиков, а в 1883 г. – уже 60. По неофициальным данным, в конце 1880-х гг. в четырех корпусах «Камалии» обучалось одновременно около 400 шакирдов из Казанской, Уфимской, Самарской и других губерний. Из стен медресе вышли известные крупные общественные деятели и просветители – Р. Фахреддин (1859-1936), Ф. Карими (1870-1937), педагог-просветитель, ученый, писатель, переводчик, журналист, издатель, общественный деятель; Г. Гафуров-Чыгтай (1867-1942), писатель, журналист; Х. Файзи-Чистапули (1871-1933), видный мусульманский богослов Поволжья суфийского шейха; Г. Исхаки (1878-1954), классик татарской литературы; Ф. Туктаров (1880-1938), деятель революционного движения, журналист и педагог.

Органы городского самоуправления Чистополя в целях заботы об образовании татарского населения открыли в 1880 г. так называемый «русский класс при медресе», содержавшийся за счет города. Открытие «русского класса» было обусловлено тем обстоятельством, что с 1870 г. все кандидаты на должности мулл должны были обязательно сдавать экзамен по русскому языку, а в медресе необходимо было вводить уроки русского языка или изучать русский язык в специальных классах, созданных при мечетях. Учителями в «русских классах» были выпускники открытой в 1876 г. Казанской русско-татарской школы. Шакирды, будущие кандидаты в муллы, проводили в медресе один день в неделю, по графику, таким образом, в классе было шесть комплектов учащихся. Из отчетов городской управы Чистополя следует, что обучение в медресе имело принудительный характер, поэтому количество учащихся не превышало 30–40 человек. Положение изменилось только в начале XX в. – в Чистопольском медресе шакирдов было уже около 80 человек. Таким образом, «русский класс» при медресе постепенно превратился в городскую школу для татарских детей, где их учили русскому языку, а обозначение «при медресе» стало условностью. Это явление отражает те процессы, которые происходили в татарском обществе в конце XIX – начала XX века. Знание русского языка было необходимым не только для повседневной жизни, но и для занятия торговой и предпринимательской деятельностью. В начале XX столетия дети татар обучались уже в городских начальных училищах.

В 1911 г. в Чистополе открылась начальная школа для татарских девочек – русско-татарское начальное женское училище, на паях содержавшаяся городской и земской управами. Не осталась в стороне и татарская общественность, в первую очередь, купцы и имам первой мечети М. Амирханов, которые выделили средства на постройку двухэтажного каменного здания с отдельными флигелями для квартир служащих (ныне ул. Вахитова, д. 24-26). Знаменательно то, что подобной школы для девочек не было даже в губернской Казани.

Проводя в жизнь правила 26 марта 1870 г., в целях обрусения нерусских народностей Казанской губернии, правительство начало с 1872 г. открывать для них миссионерские школы, где преподавание велось на русском языке. В основу организации школ для нерусских народностей легла педагогическая система известного ученого, педагога, просветителя и миссионера Николая Ивановича Ильминского (1822-1891), направленная на усиление идеологического воздействия самодержавия на инородцев и подготовку из них преданных чиновников для проведения колониальной политики. Эта система возникла немного раньше, еще в 1860-е гг., когда стала очевидной непригодность насильственных административных мер правительства и церкви по сплочению национальных меньшинств вокруг престола.

В специальных миссионерских школах, открытых для крещеных татар и других инородцев, учащиеся сначала обучались на родном языке, а потом постепенно переходили на русский язык. От окончивших такие школы ожидалось, что они будут распространять

христианство среди своего народа.

В правилах от 26 марта 1870 г. нерусские народы края подразделялись на две группы инородцев – христиан и мусульман. Хотя пути обучения каждой из них отличались, тем не менее, цель была одна. О цели, которую преследовало правительство через распространение просвещения среди инородцев, сообщалось в «Журнале Министерства народного просвещения» от 2 февраля 1870 г.: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего Отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [18, с. 284-285].

Большинство крещено-татарских школ открывались в селениях, где была большая вероятность «отпадения» местных жителей в ислам, или уже были зафиксированы такие случаи. Так, в конце 1860-х – начале 1870-х гг. миссионерские школы открылись в селе Нижней Никитинке (учитель С. Тупай) Чистопольского уезда.

Выводы.

Модернизация страны, следствием которой стала урбанизация, во многом «стирала» этноконфессиональные противоречия в образовательном процессе (как, впрочем, и в других сферах общественной жизни), поставив на первый план задачи экономического роста и личного обогащения (с вполне российским пониманием необходимости пожертвований значительной доли личного богатства на общественное благо). При этом замыслы центральной администрации входили в явное противоречие с интересами различных сил на местах, которые посредством групп давления через местные учреждения и элиты проводили корректировку реализации этих планов, в особенности в образовательной сфере, создавая и поддерживая огромное число школ с национальным уклоном и религиозной окраской, превращая их в эффективное средство адаптации местной молодежи к новым условиям модернизирующегося общества.

Среди других уездных городов Казанской губернии Чистополь выделялся наличием многочисленных учебных заведений начального и среднего звена. Первое учебное заведение появилось еще в конце XVIII века. Наряду с русскими учебными заведениями открывались аналогичные учебные заведения и для нерусского населения края: русско-татарское начальное женское училище, медресе «Камалия». Следует отметить и вклад чистопольских старообрядцев в открытие и функционирование учебных заведений города.

Примечания:

1. Dowler W. Classroom and Empire: The politics of schooling Russia's Eastern nationalities, 1860-1917. Toronto, McGill-Queen's univ. press, 2001. 448 p.
2. Geraci R. P. Window to the East: National and Imperial identities in late Tsarist Russia. Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2001. 430 p.
3. Werth P. W. At the margins of orthodoxy: Mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827-1905. Ithaca; L., Cornell univ. press, 2001. 275 p.
4. Закарая Э.И., Черкасов А.А. Народное просвещение на Кавказе в период наместничества графа И.И. Воронцова-Дашкова (1905-1915 гг.) // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 36-43.
5. Гомаюнов С. Очерки истории Вятской духовной школы. Вятка, 2005. 162 с.
6. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90 годы XIX в. М., 1994. 144 с.
7. Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань, 2004. 461 с.
8. Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 4. Отд. офиц. С. 97-109.
9. Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань, 2004. 461 с.
10. Церковь. 1908. № 50. С. 1532.
11. Церковь. 1908. № 50. С. 1532.
12. Церковь. 1908. № 50. С. 1533.
13. Долгов Е.Б., Колясев А. Чистополь – Хлебный город. Режим доступа: http://clubs.ya.ru/4611686018427403776/replies.xml?item_no=76.
14. Давлетшин Т. Советский Татарстан (Теория и практика ленинской национальной политики). Лондон, 1974. 392 с.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1917. Ст. 400.
16. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90 годы

XIX в. М., 1994. 144 с.

17. Гафиатуллина Л.Г. Благотворительная деятельность чистопольского купечества во второй половине XIX – начале XX века. Режим доступа: <http://dakazan.ru/2009-10-07/blagotvoritelnaya-deyatelnost-chistopolskogo-kupechestva-vo-vtoroj-polovine-xix-nachale-xx-vv/comment-page-1/>.

18. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1. М.; Л., 1936. 512 с.

References:

1. Dowler W. Classroom and Empire: The politics of schooling Russia's Eastern nationalities, 1860-1917. Toronto, McGill-Queen's univ. press, 2001. 448 p.
2. Geraci R. P. Window to the East: National and Imperial identities in late Tsarist Russia. Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2001. 430 p.
3. Werth P. W. At the margins of orthodoxy: Mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827-1905. Ithaca; L., Cornell univ. press, 2001. 275 p.
4. Zakaraya E.I., Cherkasov A.A. Narodnoe prosveshchenie na Kavkaze v period namestnichestva grafa I.I. Vorontsova-Dashkova (1905-1915 gg.) // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2010. № 7. S. 36-43.
5. Gomayunov S. Ocherki istorii Vyatskoi dukhovnoi shkoly. Vyatka, 2005. 162 s.
6. Farkhshatov M.N. Narodnoe obrazovanie v Bashkirii v poreformennyi period. 60-90 gody XIX v. М., 1994. 144 с.
7. Chistopol' i chistopol'tsy. Iz proshlogo i nastoyashchego. Kazan', 2004. 461 s.
8. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. 1868. № 4. Otd. ofits. S. 97-109.
9. Chistopol' i chistopol'tsy. Iz proshlogo i nastoyashchego. Kazan', 2004. 461 s.
10. Tserkov'. 1908. № 50. S. 1532.
11. Tserkov'. 1908. № 50. S. 1532.
12. Tserkov'. 1908. № 50. S. 1533.
13. Dolgov E.B., Kolyasev A. Chistopol' – Khlebnyi gorod. Rezhim dostupa: http://clubs.ya.ru/4611686018427403776/replies.xml?item_no=76.
14. Davletshin T. Sovetskii Tatarstan (Teoriya i praktika leninskoi natsional'noi politiki). London, 1974. 392 s.
15. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemykh pri Pravitel'stvuyushchem Senate. 1917. St. 400.
16. Farkhshatov M.N. Narodnoe obrazovanie v Bashkirii v poreformennyi period. 60-90 gody XIX v. М., 1994. 144 с.
17. Gafiatullina L.G. Blagotvoritel'naya deyatelnost' chistopol'skogo kupechestva vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh veka. Rezhim dostupa: <http://dakazan.ru/2009-10-07/blagotvoritelnaya-deyatelnost-chistopolskogo-kupechestva-vo-vtoroj-polovine-xix-nachale-xx-vv/comment-page-1/>.
18. Materialy po istorii Tatarii vtoroi poloviny XIX veka. Ch. 1. М.; Л., 1936. 512 с.

УДК 94

Этнорелигиозная мозаика позднеимперской России: национально-конфессиональная школа уездного Чистополя

¹ Ирина Валерьевна Корнилова

² Тимур Альбертович Магсумов

¹⁻² Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, Россия
423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28.

Аннотация. На примере школ уездного города полиэтнического Поволжского края рассматривается региональное преломление политики по консолидации имперского пространства. Констатируется, что модернизационные процессы, поддерживаемые потребностями местных элит, превалировали над традиционалистской политикой властей по созданию единой нации с целью поддержания жизнеспособности имперского строя.

Ключевые слова: образование; Чистополь; нация; религия; Российская империя.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 26-39, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94

Formation of Cavalry Units of the Red Army in the Southern Russia and Their Fate during the Great Patriotic War

Evgenii F. Krinko

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of the Russian Academy, Russian Federation
Dr. (History)

Abstract. The article is concerned with the cavalry divisions of the Red Army, formed within Don, Kuban and Stavropol during the Great Patriotic War. The features of the formation of these units and their further frontline fate are considered.

Keywords: Great Patriotic War; cavalry; the Cossacks; Red Army; Don; Kuban; Stavropol.

Введение.

Трагическое начало Великой Отечественной войны привело к огромным потерям в составе Вооруженных сил СССР. Наиболее сильно пострадали танковые и механизированные войска, во многом определявшие мобильность действий Красной армии в целом. Быстро компенсировать урон советская промышленность не могла, особенно в условиях начавшейся эвакуации. Поэтому летом 1941 г. советское руководство приняло решение о формировании 100 кавалерийских дивизий, значительная часть которых была создана на юге России, в местах компактного проживания казачьего населения.

Обсуждение.

Создание и дальнейшая судьба кавалерийских соединений, сформированных на Дону, Кубани и Ставрополье, остаются недостаточно изученными проблемами Великой Отечественной войны. Лишь в отдельных работах приводятся, как правило, краткие сведения об указанных дивизиях. В большей степени освещены истории 4-го Кубанского и 5-го Донского гвардейских казачьих кавалерийских корпусов, но и в них сохраняется немало дискуссионных вопросов. В трудах советских, да и современных авторов нередко тенденция к героизации боевого пути казачьих кавалерийских соединений, не учитываются трудности, с которыми пришлось столкнуться их командирам и бойцам, как в процессе формирования, так и в ходе боевых действий. Стронники иной точки зрения вообще отрицают целесообразность создания кавалерийских соединений в годы Великой Отечественной войны, считая данный род войск «устаревшим».

В данной связи необходимо отметить, что вплоть до конца 1930-х гг. кавалерия относилась к привилегированным родам войск. Неслучайно, что именно из кавалерийских командиров вышел впоследствии целый ряд известных советских полководцев, включая не только маршалов С. М. Буденного, С. К. Тимошенко, Г. К. Жукова, но и командующих Южным фронтом И. В. Тюленева, Я. Д. Черевиченко, Д. И. Рябышева и многих других

генералов. Только перед началом войны, в 1940–1941 гг., значительно сократилось количество кавалерийских соединений, на базе которых создавались бронетанковые части РККА. В частности, в марте 1941 г. на основе 4-й Донской казачьей дивизии была сформирована 210-я моторизованная дивизия.

Результаты.

К 22 июня 1941 г. в РККА осталось 13 кавалерийских дивизий (из 32 в 1936 г.), при этом лишь одна из них носила официальное наименование казачьей – 6-я Кубано-Терская Чонгарская ордена Ленина Краснознаменная ордена Красной Звезды кавалерийская дивизия имени С. М. Буденного. Она входила в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса вместе с 36-й кавалерийской ордена Ленина Краснознаменной ордена Красной Звезды дивизией имени И. В. Сталина. Именно 6-му корпусу, располагавшемуся в Белостокском выступе, первому из советских казачьих соединений довелось вступить в боевые действия с противником. Не имея прикрытия с воздуха и попав под удар вражеской авиации, корпус уже через неделю боев фактически перестал существовать. Многие его бойцы и командиры погибли, попали в плен, другие ушли к партизанам, некоторым удалось пробиться через линию фронта. Более удачно сложилась судьба 5-й Ставропольской кавалерийской дивизии им. М. Ф. Блинова. Первый удар немецких и румынских войск она приняла на Южном фронте, а завершила свой боевой путь как 1-я гвардейская кавалерийская Ставропольская ордена Ленина Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия им. М. Ф. Блинова.

15 июля 1941 г. в директивном письме Ставки Верховного командования, подписанном начальником Генерального штаба РККА Г. К. Жуковым и обобщавшем опыт первых трех недель боевых действий, говорилось о недооценке значения кавалерии: «При нынешнем положении на фронтах, когда тыл противника растянулся на несколько сот километров в лесных местностях и совершенно не обеспечен от крупных диверсионных действий с нашей стороны, рейды красных кавалеристов по растянувшимся тылам противника могли бы сыграть решающую роль в деле дезорганизации управления и снабжения немецких войск и, следовательно, в деле разгрома немецких войск». Для организации таких рейдов Ставка считала необходимым создание нескольких десятков «легких кавдивизий истребительного типа в три тысячи человек каждая, с легким обозом без перегрузки тылами», а также переформирование в них существовавших кавалерийских корпусов и дивизий [1]. Кавалерийские соединения создавались и на основе мотомеханизированных частей, лишившихся техники. Выйдя из окружения под Могилевом, 210-я моторизованная дивизия в августе 1941 г. вновь была переформирована в 4-ю Донскую кавалерийскую дивизию.

В июле – августе 1941 г. было создано 48 кавалерийских дивизий легкого типа, а к концу первого года войны их количество выросло до 82. Новые кавалерийские соединения имели примерно по 3 тыс. чел. или почти в три раза меньше, чем предусматривалось по довоенным штатам, состояли из 3 кавалерийских полков (из 4 сабельных и 1 пулеметного эскадронов), батарей 76-мм и 45-мм орудий. В соответствии с предложениями Ставки, тяжелая артиллерия, танки, противотанковые и зенитные средства, подразделения связи и саперов для этих дивизий не предусматривались, они также имели сокращенный штат штабных и тыловых служб.

Среди главных центров формирования кавалерийских дивизий были и территории бывших казачьих областей юга России. Действовавшая во второй половине 1930-х гг. система подготовки территориальных формирований позволила здесь в краткие сроки, при минимальных затратах сил и средств, создать кавалерийские части. Уже летом 1941 г. из Северо-Кавказского военного округа в действующую армию отправилось 17 кавалерийских дивизий (9 кубанских, 5 донских, 1 кубано-терская, 2 ставропольских) или более 50 тыс. чел. [2]. Хотя они официально не назывались казачьими, значительную часть их составляли казаки. Показательно, что и в сводках Совинформбюро и в статьях в периодической печати военного времени указанные дивизии именовались казачьими. С учетом жесткого контроля военной цензуры над средствами массовой информации это свидетельствует об очевидном стремлении власти пропагандировать участие казачества в войне.

В большинстве своем сформированные на юге России кавалерийские соединения прибывали на фронт уже через одну – две недели после начала комплектования и

практически сразу приступали к выполнению боевых задач. В ходе оборонительных боев кавалерия прикрывала отход других соединений, наносила контрудары по флангам и тылу прорывавшихся группировок противника, дезорганизовала его управление и снабжение. При переходе в наступление кавалерийские части применялись для развития успеха, преследовали противника, нарушали его коммуникации. Нередко кавалерийские дивизии вводились в прорыв на узких участках фронта и самостоятельно действовали в тылу противника, нанося ему значительный ущерб. Организацией кавалерийских рейдов занимался главный генерал-инспектор кавалерии генерал-полковник О. И. Городовиков, имевший большой опыт в проведении подобных операций во время Гражданской войны.

Один из первых таких рейдов предприняла в июле 1941 г. в Белоруссии кавалерийская группа из 32-й кадровой (командир – полковник А. И. Бацкалевич), а также 43-й (командир – комбриг И. К. Кузьмин) и 47-й (командир – генерал-майор А. А. Сидельников) кубанских кавалерийских дивизий. Общее руководство группой осуществлял полковник А. И. Бацкалевич, командовавший лучше вооруженным и имевшим боевой опыт соединением. Обе кубанские дивизии начали формироваться в станице Уманской и городе Тихорецке 6–7 июля, а уже 20 июля попали на фронт. Через трое суток их перебросили в тыл противника. Встретив ожесточенное сопротивление, кавалеристы не смогли пройти по запланированному маршруту, но сковали 43-й немецкий армейский корпус севернее Мозыря и задержали продвижение 35-го армейского корпуса. В дальнейшем 43-я и 47-я кубанские дивизии из-за больших потерь были расформированы, а входившие в них подразделения использованы для доукомплектования 32-й кавалерийской дивизии.

Похожая судьба сложилась и у других донских, кубанских и ставропольских кавалерийских дивизий. Успешно вела боевые действия на Украине сформированная в июле 1941 г. в Персиановских лагерях 38-я кавалерийская дивизия (командир – генерал-майор Н. Я. Кириченко). В ходе трехдневных боев на подступах к Донецку она разгромила до двух полков пехоты вермахта и первой в РККА в годы Великой Отечественной войны была награждена орденом Красного Знамени, а ее командир – орденом Ленина. Сформированная в Новочеркасске 52-я кавалерийская дивизия (командир – полковник Н. П. Якунин) действовала на Брянском направлении, позже вошла в состав 8-го кавалерийского корпуса с присвоением ее частям нумерации 21-й кавалерийской дивизии [3].

40-я дивизия (командир – полковник Ф. Ф. Кудеров) была сформирована в станице Куцевской, а 42-я (командир – полковник В. В. Глаголев) – в Краснодаре во второй половине июля 1941 г. В августе их перебросили на Крымский полуостров в составе кавалерийской группы генерала Д. И. Аверкина, где они вели тяжелые оборонительные бои с превосходившими силами противника. Понесшую значительные потери 42-ю кавалерийскую дивизию 13 ноября 1941 г. расформировали, а ее личный состав использовался для укомплектования 40-й дивизии. До апреля 1942 г. 40-я дивизия вела оборонительные бои в Крыму, затем ее также расформировали и обратили на пополнение частей Севастопольского оборонительного района и 17-го казачьего кавалерийского корпуса.

В Крыму воевала и 72-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора В. И. Книги. Она была сформирована в августе 1941 г. в Краснодаре, а с января 1942 г. вошла в состав Крымского фронта. В мае в районе Керчи 72-я кавалерийская дивизия обеспечила переправу частей фронта на Таманский полуостров. 24 июня из-за тяжелых потерь ее переформировали в особую мотострелковую бригаду (с 9 сентября – в 40-ю мотострелковую, а с 19 декабря – в 40-ю стрелковую бригаду) Северо-Кавказского фронта [4]. В феврале 1943 г. она участвовала в освобождении Краснодара.

50-я кавалерийская дивизия (командир – полковник И. А. Плиев) была сформирована в Армавире, а 53-я (командир – комбриг К. С. Мельник) – в Ворошиловске (в настоящее время – Ставрополь). Они вошли в состав кавалерийской группы полковника Л. М. Доватора, совершившей в конце лета рейд по тылам группы армий «Центр». Стремительно передвигаясь в условиях лесов и болот, казаки вынудили командование вермахта снять с фронта 2 наступавшие пехотные дивизии. Пройдя с боями 300 км, в течение недели кавалерийская группа уничтожила свыше 2,5 тыс. солдат и офицеров, 9 танков и более 20 автомашин, разгромила десятки военных гарнизонов противника. За успешное выполнение задания Л. М. Доватору, И. А. Плиеву, К. С. Мельнику были присвоены генеральские звания.

С началом операции «Тайфун» казаки 50-й и 53-й дивизий оказались на направлении главного удара вермахта. 19 ноября в районе деревни Федюково на Волоколамском шоссе, отбивая атаку немецких танков, полностью погиб 4-й эскадрон 37-го Армавирского полка, а всего в 50-й дивизии на рубеже обороны осталось 177 чел., 9 пулеметов и 3 орудия. Но казаки не пропустили вермахт к Москве на своем участке фронта. Вскоре группа Доватора была преобразована в 3-й кавалерийский корпус, а 26 ноября 1941 г. он получил звание гвардейского. 50-я и 53-я дивизии стали, соответственно, 3-й и 4-й гвардейскими кавалерийскими дивизиями. После гибели в бою Л. М. Доватора, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, в командование 2-м гвардейским корпусом вступил И. А. Плиев [5]. Удачные действия казачьей конницы под Москвой не раз прославлялись в средствах пропаганды, плакатах и брошюрах.

Ряд казачьих кавалерийских соединений участвовал в боях на Южном фронте осенью 1941 г. Это сформированные в районе станции Лихой 35-я (командир – С. Ф. Скляр), 56-я (командир – полковник Л. Д. Ильин) и 68-я (командир – полковник Н. А. Кириченко), в – Тихорецке 62-я (командир – полковник И. Ф. Куц), в станице Кавказской – 64-я (командир – полковник Н. В. Симеров), в Армавире – 66-я (командир – полковник В. И. Григорович), в Ворошиловске – 70-я (командир – полковник Н.М. Юрчик) кавалерийские дивизии. Сдерживая натиск Клейста, им пришлось участвовать в оборонительных боях наряду с пехотой, а то и прикрывать ее отход.

Так, 20 октября 1941 г. на позиции 179-го кавалерийского полка 66-й кавалерийской дивизии, прикрывавшего отступление 31-й стрелковой дивизии, в районе хутора Копани Неклиновского района выдвинулось более 70 танков и бронемашин, до полка пехоты противника. Кавалеристы отбили 6 атак, уничтожив 17 танков, но в ходе седьмой атаки противник окружил командный пункт полка. Командир полка подполковник И. И. Лободин лично вел огонь из пулемета и погиб в бою. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза [6].

Выполняя несвойственные им функции и не используя свой потенциал подвижных соединений, казачьи дивизии несли значительные потери. Согласно новым нормам, по своей огневой мощи легкие дивизии не превышали возможности стрелковых полков. Но и полагавшееся им вооружение они не всегда получали в полном количестве, о чем красноречиво свидетельствуют очевидцы: «В район, где действуем мы, подошла наша 62-я кавдивизия, правда, вооружена она была слабо, одни клинки и часть винтовок» [7]. Действительно, 62-я дивизия приступила к выполнению боевых задач (охране Азовского побережья) в ноябре 1941 г., вообще не имея ни автоматов, ни артиллерийских орудий, ни минометов (см. таблицу 1).

Таблица 1.

**Сведения о вооружении 62-й кавалерийской дивизии
на 5 ноября 1941 г. [8]**

Наименование вооружения	Штук
Винтовки и карабины образца 1891 г.	1202
Винтовки самозарядные	37
Шашки	961
Пулеметы ручные (РПД)	50
Пулеметы станковые («Максим»)	27
Револьверы	35
Винтовочные патроны	1,6 комплекта
Патроны к ТТ и ППШ	0,075 комплекта
Патроны к револьверам	0,37 комплекта

Винтовок в наличии имелось меньше половины, пулеметов – чуть более половины необходимого количества (не хватало 1626 винтовок, 21 станкового и 48 ручных пулеметов). Обращаясь к И. В. Сталину, заместитель наркома обороны СССР начальник Главного управления формирования и укомплектования войск РККА армейский комиссар I ранга

Е. А. Щаденко писал, что «такой способ использования частей и соединений, незаконченным формированием и недовооруженных, принесет вред делу и погубит части» [9].

Впрочем, 62-я кавалерийская дивизия, как и многие другие соединения, испытывала трудности не только с вооружением. Несмотря на наступление холодной погоды, ее бойцы и командиры не получили вовремя зимнего обмундирования. 13 ноября 1941 г. командир дивизии полковник И. Ф. Куц и военный комиссар старший батальонный комиссар А.П. Грищенко писали в Военный совет 56-й армии о том, что они уже более месяца упорно добивались снабжения вверенного им соединения «хотя бы только теплыми портянками, бельем и шапками. Последние предрассветные заморозки и морозы застали дивизию в летнем обмундировании. Люди в бумажных пилютках и в летних портянках мерзнут в полевых караулах и в разведке. Вся боевая работа дивизии проходит в болотах по реке и ерикам в воде и сырости» [10]. На следующий день в приказании штаба дивизии отмечалось, что при раздаче теплых вещей «одни бойцы получили теплую шапку, башлык и телогрейку, а другие ничего». Поэтому штаб предлагал равномерно распределить теплые вещи между всеми бойцами, выдав валенки и бурки только часовым, несшим караульную службу [11].

Поскольку тыловые службы Южного фронта докладывали о том, что потребности армий в теплом обмундировании были в целом удовлетворены [12], сбои в снабжении объясняются, вероятно, низкой эффективностью работы интендантов армейского, корпусного и дивизионного звена, их равнодушием не только к нуждам бойцов, но и к своим прямым служебным обязанностям. Это подтверждают неоднократные обращения командования 62-й дивизии к вышестоящим инстанциям о замене 350 пар выданных сапог на сапоги или ботинки большого (43–45) размера: «Люди в дивизии крупные, сапоги же дали в большинстве малых размеров. С наступлением морозов люди в тесных сапогах морозят ноги» [13]. Только благодаря помощи советских и партийных органов города Азова удалось решить данную проблему [14].

В ходе боевых действий на юге страны советские военачальники не всегда эффективно использовали кавалерийские соединения, «латая» с их помощью бесконечно возникавшие «дыры» на фронте, а то и ставя задачи, решить которые они просто не могли. В свою очередь, отдельные кавалерийские командиры, прежде всего из числа не имевших необходимого командного и боевого опыта – призванные из запаса, переведенные со штабных, тыловых, преподавательских должностей – не всегда справлялись с поставленными задачами, что вело к большим потерям в личном составе и технике.

Так, в середине октября 1941 г. кавалерийская группа в составе 35-й и 56-й кавалерийских дивизий под общим командованием полковника Л. Д. Ильина получила приказ зайти в тыл моторизованным частям вермахта. Наступление по открытой степи не было должным образом подготовлено и не получило поддержки механизированных частей. Утром 16 октября спешенные кавалерийские полки 35-й дивизии атаковали походные колонны противника в селе Григорьевка. Первый натиск был успешным, противник отступил, оставив на поле боя 6 танков, 2 бронемшины, до 500 чел. убитых и раненых. В ходе встречного боя кавалеристы сумели уничтожить, судя по отчету, еще 15–20 автомашин с пехотой и подбить до 5 танков. Но, введя резервы, противник отбросил казаков, нанеся им значительные потери [15].

По итогам боя 16 октября 1941 г. 35-я кавалерийская дивизия потеряла до 80 % своего командно-политического состава, включая начальника политотдела, командиров и комиссаров двух полков, начальников штаба всех полков и других старших командиров. 21 октября остаткам 35-й дивизии пришлось выдержать еще один напряженный бой. Противник прорвался на соседнем участке фронта и обрушился на них с фланга. Общие потери за пять дней боев составили 2083 чел., основная масса которых (1717 чел.) числилась в пропавших без вести, а также 2407 лошадей [16]. Впоследствии полковник С. Ф. Склиаров просил изъять из других соединений бойцов и командиров 35-й кавалерийской дивизии. Так, в 64-й кавалерийской дивизии находилось 118 красноармейцев, 114 винтовок, 124 лошади, 6 повозок и 1 автомашина, в 68-й кавалерийской дивизии – 108 красноармейцев, столько же винтовок и лошадей, в 31-й стрелковой дивизии – 103 красноармейца, 100 винтовок, 110 лошадей, 45-мм орудие и 2 станковых пулемета. То,

что красноармейцы сохранили оружие и лошадей, продолжая нести службу в рядах РККА, не позволяет их считать дезертирами, как это пытались представить [17].

Командир 35-й дивизии также обвинил в провале наступления командира кавалерийской группы, не оказавшего ему необходимой помощи. Составленные штабом 35-й кавалерийской дивизии документы подтверждают серьезное преимущество противостоявших ей моторизованных частей вермахта, однако, за исключением бронетехники и авиации, о которой ничего не упоминается в отчете, оно не выглядит подавляющим (см. таблицу 2). К тому же инициативой первоначально владели советские кавалеристы, а противник, находясь на марше, не ожидал удара.

Таблица 2.

Соотношение сил в бою 16 октября 1941 г. [18]

35-я кавалерийская дивизия (без учета коноводов и обозов)		Противник	
Кавалерийских полков	3	Мотострелковых батальонов	3
Артиллерийских батарей	3	Артиллерийских батарей	4
Минометных батарей	-	Минометных батарей	до 6
Танков	-	Танков и бронемашин	до 40
Винтовок	1500	Винтовок	около 2500
Автоматов	197	Автоматов	до 500
Станковых пулеметов	36	Станковых пулеметов	до 40
Ручных пулеметов	53	Ручных пулеметов	до 50
Самолетов		Самолетов	3

Главными причинами разгрома 35-й дивизии стали непродуманные решения руководства фронта о самом наступлении кавалерии без соответствующего прикрытия, неэффективные действия ее собственного командования, фактически утратившего управление войсками, а также слабая подготовка бойцов и командиров, не владевших необходимыми навыками ведения боя. Неслучайно в приказе о боевой подготовке частей дивизии от 31 октября 1941 г., подводившем итоги боя 16 октября, прямо отмечалось, что «красноармейцы не умеют делать правильные перебежки, самоокапываться и держать свое место в составе отделения. При артиллерийском обстреле противника скучиваются и не стараются сделать бросок вперед, чтобы выйти из зоны артогня. Многие не ведут прицельного огня». В документе также обращалось внимание на технику перебежек, ведение прицельного огня, необходимость окапываться боевую технику, умение командиров наблюдать за полем боя, управлять вверенными подразделениями в бою [19]. К сожалению, необходимость соблюдения этих правил ведения боя была поздно осознана. Противник не давал времени осваивать «науку побеждать», и за все ошибки командиров, не сразу осознавших отличия войны от гарнизонной службы и кавалерийских парадов мирного времени, приходилось расплачиваться жизнями красноармейцев.

В начале ноября 1941 г. 35, 56-я и 68-я кавалерийские дивизии вошли в состав отдельного кавалерийского корпуса Южного фронта под командованием генерал-майора И.И. Хоруна. Его задачей являлся прорыв в тыл противника на стыке 18-й и 37-й армий для обеспечения действий главной ударной группировки фронта. Недостаток огневой мощи не позволил корпусу выполнить поставленную задачу. Тем не менее, казаки-кавалеристы не раз проявляли героизм в тяжелых боях на ростовском направлении. Именно 68-я кавалерийская дивизия единственная из всех оборонявшихся соединений РККА в конце ноября 1941 г. не отступила за Дон и отстояла Новочеркасск, а затем участвовала в освобождении Ростова. На флангах у нее действовали 66-я и 70-я, а с юга наступали 62-я и 64-я кавалерийские дивизии [20].

Грамотные действия бойцов и командиров, умелое использование ими своей боевой техники, нередко приносили успех даже в боях с превосходящим противником. Так, в отчете

о действиях 62-й кавалерийской дивизии в боях на Миус-фронте в декабре 1941 г. отмечаются положительные результаты использования 50-мм минометов, несмотря на отсутствие прицелов и специалистов-минометчиков, при взятии хутора Калинин, станции Хапры и села Вареновки [21]. Документы позволяют считать это результатом внимания, уделявшегося командованием дивизии боевой подготовке бойцов. Получив минометы, комдив отдал специальное распоряжение об их передаче в подразделения и обучении боевых расчетов [22].

В боях при освобождении Ростова-на-Дону и попытках прорыва Миус-фронта в декабре 1941 г. кавалерийские соединения понесли значительные потери. У 62-й кавалерийской дивизии за период наиболее интенсивных боев с 27 ноября по 15 декабря 1941 г. они составили 1315 чел.: 363 убитых, 663 раненых, 289 пропавших без вести. В то же время она сохранила старших командиров дивизионного и полкового уровня, боевую технику и конский состав как основу для дальнейшего существования кавалерийского соединения [23]. И. Ф. Куц строго относился и к формированию личного состава. Несмотря на потери, он писал командующему Западной оперативной группы генерал-майору П.М. Козлову о том, что получение пополнений, «никогда не имеющих дела с конским составом, приведет к тому, что дивизия будет совершенно не боеспособна как кавалерийская часть». В этом случае он ставил вопрос о возможном переводе дивизии на штат стрелковой дивизии. Несмотря на шантаж, начальство согласилось с комдивом [24].

Отдельный кавалерийский корпус Южного фронта несколько раз расформировывался и вновь воссоздавался. 10 января 1942 г. он был переименован в 1-й казачий корпус, а 14 января стал 1-м кавалерийским корпусом (командир – генерал-майор Ф. А. Пархоменко). В состав корпуса постоянно входили 35-я и 56-я, крайне недолго 64-я (была направлена на укомплектование 70-й и 78-й кавалерийских дивизий), затем 66-я кавалерийские дивизии. В марте 1942 г. 1-й кавалерийский корпус был расформирован, а его части пошли на укомплектование 2-го кавалерийского корпуса, в который первоначально входили 62, 64-я и 70-я дивизии. Переданный Юго-Западному фронту, с включением 38-й дивизии вместо 64-й, он участвовал в наступлении на Харьков и Красноград в мае 1942 г., где и погиб практически в полном составе. В 1942 г. был расформирован и ряд других легких кавалерийских дивизий, количество кавалерийских соединений в целом сократилось. К 1 мая 1943 г. в РККА осталось 26 кавалерийских дивизий.

В то же время еще в 1941 г. в Краснодарском крае, Ростовской и Сталинградской областях были созданы добровольческие казачьи формирования в качестве частей народного ополчения. 10 июля 1941 г. Военный совет СКВО принял директиву о создании в казачьих районах Краснодарского края 15 казачьих сотен в целях «подготовки отрядов самообороны и оказания помощи истребительным батальонам по борьбе с возможными парашютными десантами», укомплектовав их, в первую очередь, добровольцами [25]. С самого начала добровольцев оказалось много, но возникли вопросы по их возрасту, снаряжению и обмундированию. Поэтому Краснодарский крайком партии и крайисполком 29 июля разослали в районы директиву, в которой разъясняли, что в казачьи сотни могли зачисляться колхозники без ограничения возраста, умеющие управлять конем, владеть огнестрельным и холодным оружием. Коней и снаряжение требовалось выделять за счет колхозов, а обмундирование – за счет средств каждого бойца.

11 июля Сталинградский обком ВКП(б) постановил создать Донскую казачью кавалерийскую дивизию из добровольцев непризывных возрастов. 15 июля такое же постановление принял Ростовский обком ВКП(б) [26]. 15 октября Краснодарский крайком партии обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить формирование трех казачьих кавалерийских дивизий «в порядке добровольности из числа казаков и адыгейцев без ограничения возраста по принципу сотню на район» [27]. Получив одобрение Государственного комитета обороны СССР, бюро крайкома ВКП(б) через неделю приняло соответствующее постановление.

Первоначальная численность сотен, сводимых затем в эскадроны, различалась, но при формировании полков они получали одинаковую структуру. Многие казаки уходили служить целыми семьями. Так, в сотню, которую собрал и возглавил в станице Березовской участник Первой мировой и Гражданской войн, полный Георгиевский кавалер 52-летний казак К. И. Недорубов, вместе с ним вступил его 17-летний сын. 63-летний казак из станицы

Родниковской М. Ф. Грачев пришел с шестью сыновьями, а И. Д. Зубенко – с женой, двумя дочерьми и 17-летним сыном. При отборе желающих учитывалось наличие у них боевого опыта, преимущество получали участники Гражданской войны.

К началу декабря 1941 г. только в трех кубанских дивизиях военную подготовку проходили 6,5 тыс. чел. «Настроение бойцов и командно-политического состава хорошее, – сообщал 31 декабря военный комиссар 3-й Кубанской казачьей дивизии Б. С. Шипилов. – Состав подобран неплохой. Из 3062 человек – 2405 ранее служили в Красной Армии, 1054 человека – красные партизаны, до 15 человек – награждены орденами и медалями СССР; 14,3 % партийной прослойки. У большинства бойцов и командно-политического состава дивизии одно желание – скорей освоить военную технику и влиться в состав действующих частей Красной Армии, принять активное участие в разгроме и уничтожении немецких бандитов» [28].

Однако в процессе формирования добровольческих казачьих частей возникли различные трудности. По словам заведующего военным отделом Краснодарского крайкома ВКП(б) А. А. Егорова, из 96 казаков сотни Черноерковского района 63 чел. служили в белой армии, а 27 чел. никакого отношения к РККА не имели: «Одни из них служили в белой армии, другие имеют родство с репрессированными советской властью». В Теучежском районе Адыгейской автономной области из 65 чел. 29 чел. отправили обратно, «потому что они не внушали политического доверия» [29]. Власть по-прежнему не доверяла бывшим политическим противникам, а также репрессированным гражданам и членам их семей.

Если в рядовых кавалеристах недостатка не было, то командиров и военных специалистов не хватало. К тому же основную часть командиров составляли выпускники краткосрочных курсов, которые были в два, а то и в три раза моложе своих подчиненных, не обладали боевым опытом и не имели авторитета у старых казаков. Особенно не хватало артиллеристов, саперов и других военных специалистов. Младшими командирами сабельных подразделений назначались старые казаки или военнослужащие, прошедшие подготовку на 10-дневных сборах лучших рядовых [30].

Серьезные проблемы вызывало и снабжение казаков необходимым имуществом, вооружением и особенно лошадьми, так как перед этим на фронт с Дона и Кубани уже отправились десятки тысяч кавалеристов. Чтобы выполнить поставленные задачи, в станицах был организован сбор по дворам казачьего обмундирования и снаряжения, налажено его собственное производство из имевшихся материалов. Так, в Краснодаре работники завода «Пожарпром» предложили использовать для изготовления клинков буферные пружины железнодорожных вагонов, а специалисты завода имени Седина выбрали необходимый режим термообработки. На ножны и эфесы использовался чугун вместо бронзы, стремяна изготавливали литыми [31].

Несмотря на все сложности, 4 января 1942 г. по приказу наркома обороны СССР был образован 17-й казачий кавалерийский корпус, зачисленный в кадровый состав РККА. В него вошли 10, 12-я и 13-я Кубанские кавалерийские дивизии. Позже 10-ю дивизию ликвидировали, ее личный состав использовали на доукомплектование других кубанских дивизий. Сформированная в Сталинградской области 15-я Донская казачья дивизия 2 февраля вошла в состав 16-го кавалерийского корпуса Московского военного округа. Но 20 марта 16-й корпус расформировали. Узнав об этом, командование 15-й Донской казачьей дивизии обратилось к Сталину с просьбой сохранить данное соединение. В мае 15-я и сформированная в Ростовской области 116-я Донские казачьи кавалерийские дивизии вошли в состав 17-го кавалерийского казачьего корпуса. Командиром корпуса был назначен генерал-майор М. Ф. Малеев (с июня 1942 г. – генерал-майор Н. Я. Кириченко), командирами дивизий: 12-й – полковник И. В. Тутаринов, 13-й – полковник Б. С. Миллеров, 15-й – полковник С. И. Горшков, 116-й – генерал-майор Я. С. Шарабурко.

28 апреля 1942 г. корпус получил первую боевую задачу, заняв оборону по восточному побережью Азовского моря, на случай возможных десантов противника. Но настоящим боевым крещением для казаков оказались ожесточенные бои с частями 17-й армии вермахта в конце июля – начале августа 1942 г. 27–29 июля в низовьях реки Кагальник первый бой приняли казаки 12-й Кубанской и 15-й Донской дивизий, а 30 июля 17-й корпус занял позиции по южному берегу реки Ея на рубеже станиц Куцевской, Шкуринской,

Канеловской, Старощербиновской. На несколько суток казаки упорной обороной и острыми контратаками сумели задержать продвижение противника.

Особую известность получила кавалерийская атака 2 августа 29-го Адыгейского и 32-го Курганинского полков 13-й Кубанской дивизии на станицу Куцевскую. Она была настолько стремительной, что призванная поддержать кавалеристов Майкопская танковая бригада, сформированная из курсантов Орловского танкового училища, отстала, и тем самым пришлось прокладывать себе дорогу под пулеметным, артиллерийским и минометным огнем противника. В ходе напряженного боя Куцевская несколько раз переходила из рук в руки, но в итоге противнику удалось удержать станицу.

Примерно в то же время части вермахта нанесли удар между 15-й и 12-й кавалерийскими дивизиями и вышли в тыл корпуса. 12-я дивизия заняла круговую оборону в станице Шкуринской. Помощь казакам, среди которых было немало уроженцев Шкуринской и близлежащих населенных пунктов, оказали местные жители. Женщины, старики и подростки копали окопы, перевязывали раненых, приносили казакам прямо на позиции молоко, овощи и фрукты. 2 августа противник несколько раз переходил в атаку, но казаки его отбивали, а в один из моментов успешно преследовали отступавшую немецкую пехоту. В районе станицы Канеловской 116-я кавалерийская дивизия четверо суток вела тяжелые оборонительные бои и решительными контратаками разгромила немецкий пехотный полк.

Общие данные об итогах боев конца июля – начала августа 1942 г. достаточно противоречивы. В письме Н. Я. Кириченко секретарю Краснодарского крайкома ВКП(б) П. И. Селезневу говорилось, что 12-й Кубанской дивизии «удалось изрубить, перестрелять и артиллерийским огнем уничтожить более трех тысяч фашистов», 13-я Кубанская дивизия «в своей конной атаке изрубила более 2000 человек, плюс к тому артиллерийским и минометным огнем уничтожено, по-моему, такое же самое количество фашистов». Далее сообщалось, что «каждый казак и командир корпуса на своем счету имеет зарубленными от 2 до 15 фашистов». По словам Кириченко, его корпус также уничтожил 50 танков, 3 самолета и немало другой боевой техники [32]. Эти сведения выглядят слишком явным преувеличением, даже в сообщениях Совинформбюро указывалось, что противник потерял до 3 тыс. чел.

Сами казаки тоже понесли серьезные потери, составившие около 2 тыс. чел. И все же действия казачьего корпуса заметно выделялись на фоне того, как происходило отступление других советских частей на Северном Кавказе, и заслужили высокую оценку командования. Военный совет Северо-Кавказского фронта 5 августа 1942 г. поздравил 17-й корпус «со славной победой, одержанной в бою с фашистскими гадами в станицах Куцевской, Шкуринской и Канеловской». В середине августа 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования поставила действия казаков в пример другим частям и соединениям, указав командованию фронта: «Добейтесь того, чтобы все ваши войска действовали, как 17-й кавалерийский корпус» [33].

В условиях общего отступления советских войск 17-й корпус отошел с боями на юг и переправился на левый берег реки Кубани у станицы Усть-Лабинской. Две недели его части, прикрывая отход 12-й армии, вели упорные бои в горно-лесистой местности с мотомеханизированными войсками противника, наступавшими в направлении станиц Белореченской и Хадыженской. Действия командования корпуса в этой сложной ситуации были не всегда удачны, оно нередко теряло управление войсками [34]. Однако казакам удалось задержать части вермахта в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта. За проявленные успехи 27 августа 1942 г. 17-й корпус был преобразован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. 12-я и 13-я дивизии стали, соответственно, 9-й и 10-й гвардейскими Кубанскими казачьими, 15-я и 116-я – 11-й и 12-й гвардейскими Донскими казачьими кавалерийскими дивизиями. Н. Я. Кириченко было присвоено звание генерал-лейтенанта, С. И. Горшкову, Б. С. Миллерову, И. В. Тутаринову – звания генерал-майоров.

Во второй половине сентября кубанские, а в ноябре и донские гвардейские казачьи дивизии были переброшены на правый фланг Закавказского фронта и перешли в подчинение Северной группы войск, сражавшейся с частями 1-й немецкой танковой армии. Казаки-кубанцы получили задачу ударить по растянувшимся в степи немецким тылам и

сорвать наступление противника на Орджоникидзе. 10 октября начался рейд корпуса в тыл противника по безводной полупустыне со скудной растительностью. Опасаясь господствовавшей в воздухе авиации люфтваффе, он продвигался крайне медленно по ночам, и был обнаружен противником. В тяжелых боях в районе сел Владимировки, Урожайного, Ачикулака, Андрей-Кургана 4-й гвардейский корпус понес потери от механизированного корпуса вермахта особого назначения «Ф» (по фамилии командира генерала авиации Г. Фельми) и казачьего полка «Юнгшульц» и был вынужден отступить, не выполнив задач.

Вскоре советское командование наметило новый кавалерийский рейд в тыл противника, для чего предполагалось сформировать целую конную армию из 9, 10, 11, 12-й гвардейских, 30, 63, 110-й кавалерийских дивизий. Командиром был назначен генерал-лейтенант Н. Я. Кириченко, его заместителями – генерал-майор А. Г. Селиванов и генерал-майор Г. Т. Тимофеев. Однако советское контрнаступление под Сталинградом потребовало ускорить подготовку операции, чтобы не допустить переброску противником механизированных соединений с Кавказа. Поэтому вместо конной армии решили сформировать два гвардейских кавалерийских корпуса. 20 ноября был образован 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус из 11-й и 12-й гвардейских Донских казачьих, а также 63-й (командир – комбриг К. Р. Белошниченко) кавалерийских дивизий. Командиром корпуса был назначен генерал-майор А. Г. Селиванов. 4-й гвардейский корпус стал именоваться Кубанским, в его состав вошла 30-я Краснознаменная кавалерийская дивизия (командир – генерал-майор В. С. Головской).

Казачьим корпусам ставились разные задачи, что затрудняло их взаимодействие. 5-й гвардейский корпус должен был действовать на фланге 44-й армии западнее Моздока, а 4-й гвардейский корпус совершал глубокий рейд в тыл противника. Начало наступления назначалось на 30 ноября. Острая нехватка времени отрицательно сказалась и на качестве подготовки операции в целом, и на формировании гвардейских кавалерийских корпусов в частности. Особенно сложной была ситуация в 5-м гвардейском корпусе. Инспектировавший 11-ю гвардейскую дивизию Н. Я. Кириченко не скрывал перед командующим фронтом своего возмущения, указывая на ее небоеспособное состояние: «Конский состав доведен до изнеможения... Люди измотаны, ободраны и завшивлены. Материальная часть и оружие истрепаны и требуют немедленного восстановления» [35]. Не лучшим было положение 4-го гвардейского корпуса, в эскадронах которого оставалось по 20–25 активных бойцов.

Неудачу казачьей гвардии в декабрьском наступлении предопределило то, что ей пришлось выполнять несвойственную для кавалерии работу – прорывать в пешем строю хорошо подготовленную линию обороны противника. К 12 декабря в полках 4-го гвардейского кавалерийского корпуса осталось по 350–500 чел., в том числе активных сабель по 200 чел. Общая численность трех дивизий корпуса составляла 7168 чел., из них в боевых подразделениях находилось 2514 чел. [36].

В начале января 1943 г. 4-й и 5-й гвардейские казачьи корпуса вместе с другими советскими войсками перешли в наступление, участвовали в освобождении Северного Кавказа. 8 февраля они подошли к Азову. Перейдя по льду Дон и Мертвый Донец, заняли станцию Нижне-Гниловскую и станцию Хапры, перерезав железную дорогу Ростов – Таганрог. 20 февраля, преследуя противника, вышли к реке Миус, где уперлись в заранее подготовленный оборонительный рубеж [37]. После безуспешных атак казачьи корпуса были выведены на доукомплектование в места своего формирования.

Затем боевые пути 4-го и 5-го гвардейских казачьих корпусов разошлись. 4-й Кубанский корпус в конце августа 1943 г. принял участие в Таганрогской операции в составе конно-механизированной группы вместе с 4-м гвардейским механизированным корпусом (командующий группой – Н. Я. Кириченко). Создание таких групп стало новым шагом на пути использования конницы во взаимодействии с танковыми, механизированными войсками и авиацией. Преследуя противника в голой, выжженной солнцем украинской степи, кавалерийские части пытались действовать рассредоточено, под прикрытием темноты, но все равно несли потери от самолетов люфтваффе. В начале ноября 1943 г. 4-й Кубанский корпус и конно-механизированную группу в целом возглавил генерал-лейтенант

И. А. Плиев. Под его командованием казаки освобождали Крым, переправились через Днепр, Южный Буг и 10 апреля вступили в Одессу.

Затем 4-й гвардейский корпус был переброшен на 1-й Белорусский фронт, где вошел в состав новой конно-механизированной группы вместе с 1-м механизированным, затем 9-м танковым корпусами. Группе придавалась 299-я штурмовая авиационная дивизия. Летом 1944 г. 4-й Кубанский корпус содействовал расчленению, окружению и разгрому Минской и Барановичской группировок вермахта, громил коммуникации противника в Польше. Позже он был переброшен по железной дороге в Яссы, откуда совершил конный марш через всю Румынию. Оказавшись в тылу войск вермахта в Трансильвании, казаки-кубанцы во взаимодействии с другими частями Красной армии, в том числе и 5-м Донским гвардейским корпусом, овладели крупным городом Дебрецен и рассекли группировку противника. Захватив город Ньиредьхаза, гвардейские казачьи корпуса в составе двух механизированных групп блокировали отступавшие немецкие и венгерские войска. Новым командиром 4-го казачьего корпуса стал гвардии генерал-майор В. С. Головской.

На завершающем этапе войны 4-й Кубанский корпус принял участие в освобождении Чехословакии в составе 1-й гвардейской конно-механизированной группы 2-го Украинского фронта. В условиях весенней распутицы казаки с боями форсировали 11 рек с подготовленными рубежами обороны противника, овладели крупными городами Трнава, Брно, Братислава и другими населенными пунктами. В самом конце войны, в апреле 1945 г. 4-й гвардейский корпус возглавил генерал-лейтенант Ф. В. Камков. Под его руководством корпус с боями вышел к столице Чехословакии Праге. Всего за годы Великой Отечественной войны казаки-кубанцы прошли 9,9 тыс. км. За успешные боевые действия корпусу было объявлено 18 благодарностей Верховного Главнокомандующего, десятки тысяч бойцов и командиров оказались награждены орденами и медалями, 22 из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

5-й гвардейский Донской корпус, получив пополнение, вернулся на фронт в начале мая 1943 г. В сентябре он участвовал в Донбасской наступательной операции, в ходе которой прорвал укрепленный рубеж обороны противника на реке Кальмиус, овладел городами Волноваха, Гуляйполе, Орехов. В ходе дальнейшего наступления корпус в составе конно-механизированной группы «Ураган» под командованием А. Г. Селиванова освободил сотни населенных пунктов, в том числе Каховку, Голую Пристань, Цюрипинск.

В январе-феврале 1944 г. казаки участвовали в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки противника. В марте вместо тяжело заболевшего генерал-лейтенанта А. Г. Селиванова в командование корпусом вступил генерал-майор С. И. Горшков, уроженец хутора Ольшанка станицы Урюпинской. Под его командованием корпус участвовал в освобождении Молдавии, Уманско-Ботошанской и Яско-Кишиневской наступательных операциях. Летом и осенью 1944 г. части корпуса сражались с противником на территории Румынии и Венгрия, в предгорьях Карпат и на равнинах Трансильвании. Вместе с другими частями 5-й Донской казачий корпус форсировал Дунай, принял участие в битве за Будапешт, кровопролитных боях у озера Балатон.

В конце войны 5-й гвардейский казачий кавалерийский Краснознаменный Донской Будапештский корпус участвовал в Венской наступательной операции, совершив рейд в Австрийские Альпы. Здесь в небольшом австрийском городке Фишбах он и встретил 9 мая 1945 г. Всего за годы Великой Отечественной войны казаки 5-го Донского корпуса прошли около 9 тыс. км. Корпус был удостоен 8 благодарностей Верховного Главнокомандующего. Почти 32 тыс. его воинов награждены орденами и медалями, 11 чел. удостоены звания Героя Советского Союза.

Создание казачьих кавалерийских соединений во время Великой Отечественной войны отразило не только потребности РККА в сохранении высокой мобильности своих соединений, но и новый политический курс советского руководства по отношению к казачеству. Значительная часть казаков Дона, Кубани, Терека, Ставрополя откликнулась на призыв к борьбе с опасным врагом. Свой вклад в Победу внесли и кавалерийские дивизии, сформированные на юге России.

Примечания:

1. Исторический архив. 1992. № 1. С. 56.

2. Курков Г. М. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 17.
3. Воскобойников Г. Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2006. С. 58.
4. См.: Справочник по боевому использованию кавалерийских соединений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кн. 1–3. М., 1954.
5. Память жива в веках. Возвращение к истокам. Об участии казаков в войнах XVIII–XX вв. Краснодар, 2006. С. 244–245.
6. Пужаев Г. К. Кровь и слава Миуса. Таганрог, 2008. С. 8.
7. Федотова Т. А. Азов и Приазовье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Очерки истории Азова. Азов, 1995. Вып. 4. С. 28–29.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 3586. Оп. 1. Д. 22. Л. 86.
9. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. М., 2010. С. 93.
10. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 22. Л. 81.
11. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.
12. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 722. Д. 7. Л. 133 и др.
13. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.
14. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.
15. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–14.
16. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 12. Л. 18, 21, 22.
17. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 4. Л. 55–56.
18. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
19. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–27.
20. Воскобойников Г. Л. Указ. соч. С. 69–70.
21. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.
22. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
23. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.
24. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.
25. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар, 2000. Кн.1.: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 37.
26. Государственное учреждение Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 5. Д. 39. Л. 16–17.
27. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-а. Оп. 2. Д. 165. Л. 12-а.
28. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 151–153.
29. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 293. Л. 360, 361.
30. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-807. Оп. 2. Д. 15. Л. 10–11.
31. Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 589.
32. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 324.
33. Четвертый гвардейский Кубанский, 1981. С. 49.
34. См.: Кринко Е. Ф. Кубанские казачьи части и соединения в составе РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны: проблемы изучения // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2004. Вып. 3. С. 120–131.
35. Безугольный А. Ю., Кринко Е. Ф. Во главе казачьей гвардии: штрихи к портрету Н. Я. Кириченко // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 316.
36. Там же.
37. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. С. 121–123.

References:

1. Istoricheskii arkhiv. 1992. № 1. S. 56.
2. Kurkov G. M. Kubanskiye kazaki na frontakh Velikoi Otechestvennoi // Voennistoricheskii zhurnal. 2006. № 4. S. 17.
3. Voskoboinikov G. L. Kazachestvo i kavaleriya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Rostov n/D, 2006. S. 58.
4. Sm.: Spravochnik po boevomu ispol'zovaniyu kavaleriiskikh soedinenii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Kn. 1–3. M., 1954.
5. Pamyat' zhiva v vekakh. Vozvrashchenie k istokam. Ob uchastii kazakov v voynakh XVIII–XX vv. Krasnodar, 2006. S. 244–245.
6. Puzhaev G. K. Krov' i slava Miusa. Taganrog, 2008. S. 8.
7. Fedotova T. A. Azov i Priazov'e v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. // Ocherki istorii Azova. Azov, 1995. Vyp. 4. S. 28–29.
8. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (dalee – TsAMO RF). F. 3586. Op. 1. D. 22. L. 86.
9. Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. Voina: 1941–1945. M., 2010. S. 93.
10. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 22. L. 81.
11. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 1. L. 82.
12. TsAMO RF. F. 228. Op. 722. D. 7. L. 133 i dr.
13. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 22. L. 76.
14. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 14. L. 25.
15. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 5. L. 6–14.
16. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 12. L. 18, 21, 22.
17. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 4. L. 55–56.
18. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 5. L. 5.
19. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 1. L. 25–27.
20. Voskoboinikov G. L. Ukaz. soch. S. 69–70.
21. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 9. L. 34.
22. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 1. L. 86.
23. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 9. L. 19.
24. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 9. L. 10.
25. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945: Rassekrechennyye dokumenty. Khronika sobytii: V 3 kn. Krasnodar, 2000. Kn.1.: Khronika sobytii 1941–1942 gg. S. 37.
26. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti. F. 9. Op. 5. D. 39. L. 16–17.
27. Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraia (dalee – TsDNIKK). F. 1774-a. Op. 2. D. 165. L. 12-a.
28. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny... S. 151–153.
29. TsDNIKK. F. 1774-A. Op. 2. D. 293. L. 360, 361.
30. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia. F. R-807. Op. 2. D. 15. L. 10–11.
31. Ekaterinodar – Krasnodar: Dva veka goroda v datakh, sobytiyakh, vospominaniyakh... Materialy k Letopisi. Krasnodar, 1993. S. 589.
32. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny... S. 324.
33. Chetvertyi gvardeiskii Kubanskii, 1981. S. 49.
34. Sm.: Krinko E. F. Kubanskiye kazach'i chasti i soedineniya v sostave RKKa nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: problemy izucheniya // Voprosy kazach'ei istorii i kul'tury. Maikop, 2004. Vyp. 3. S. 120–131.
35. Bezugol'nyi A. Yu., Krinko E. F. Vo glave kazach'ei gvardii: shtrikhi k portretu N. Ya. Kirichenko // Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee. Sb. nauch. st. Vyp. 2. Rostov n/D, 2008. S. 316.
36. Tam zhe.
37. Matishov G. G., Afanasenko V. I., Krinko E. F. Mius-front v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941/1942 gg. 1943 g. Rostov n/D, 2010. S. 121–123.

УДК 94

**Создание кавалерийских соединений Красной армии на юге России и их судьба
в годы Великой Отечественной войны**

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия
Доктор исторических наук

Аннотация. Статья посвящена кавалерийским дивизиям Красной Армии, созданным на Дону, Кубани и Ставрополье в годы Великой Отечественной войны. В ней рассматриваются особенности создания данных соединений и их дальнейшая фронтовая судьба.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; кавалерия; казачество; Красная армия; Дон; Кубань; Ставрополье.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 40-46, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94(47).084.9

Mass Media as a Crucial Factor of the Public Opinion Forming, Concerning the Beginning of Reintegration of the Russian Imperial House into Russia (1990-1992)

Aleksandr V. Pavlov

St. Petersburg State University, Russian Federation
E-mail: pavlov_2007-83@mail.ru

Abstract. The article is focused on the mass media materials of 1991 – 1992, covering the events, concerned with the beginning of the reintegration of the Russian Imperial House into Russia. The role of mass media in the forming of the public opinion, concerning Grand Prince Vladimir Kirillovich and the events, occurring in Russia in early 1990s, associated with his name is indicated.

Keywords: mass media; public opinion; reintegration.

Введение.

В качестве эпиграфа к нашему исследованию хотелось бы привести слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, произнесённые им перед отпеванием Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича в Исаакиевском Соборе 29 апреля 1992 года: «Вспомним его размышления о некоторых путях и средствах нормализации жизни в регионе нашей бывшей единой страны, ныне Содружестве Независимых Государств, высказанные в беседах с представителями средств массовой информации...».

В 1995 году в издательстве «Лики России» г. Санкт-Петербурга вышла книга воспоминаний Великого Князя Владимира Кирилловича и Великой Княгини Леониды Георгиевны «Россия в нашем сердце» [1]. Книга по своему уникальна, но оставляет впечатление незавершённости. К сожалению, Великий Князь скончался, не успев её завершить. С тех пор к описанным в книге событиям, происходившим в России в начале 1990-х годов и связанным с именем Великого Князя Владимира Кирилловича, возвращались редко – в основном по случаю годовщины со дня его рождения или смерти [2].

Настоящая работа может служить дополнением к тем немногим исследованиям того времени, когда казалось, что в лице Великого Князя Владимира Кирилловича Россия обрела надежду на возрождение, а общественное мнение всё более склонялось в пользу традиционных исторических ценностей. Работа имеет практическое значение, так как приводимые в ней материалы могут использоваться при дальнейших исследованиях начального периода реинтеграции Российского Императорского Дома в Россию.

Материалы и методы.

В основу предлагаемой статьи легли публикации в отечественных СМИ за 1991–1992 года, освещающие начало реинтеграции Российского Императорского Дома в Россию,

которые несут в себе отношение, как общества в целом, так и отдельных его групп, к описываемым событиям. В статье приводятся интервью с участием Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича. Даются выходные данные на издания периодической печати с публикациями, в том числе интервью, к которым ранее в подобных исследованиях не обращались. При работе над статьёй использовались электронные ресурсы.

Методологическую основу данной работы составил применяемый в исторических исследованиях ценностный подход, с которым связана реализация некоторых социальных функций истории, в частности социальной памяти.

Обсуждение.

– *Здесь, в посольстве, мне говорили, что Ельцин предложил Вам российскую корону.*

– *Нет... Этого еще не было... Шёл разговор о новом визите, теперь уже в Москву... [3].*

Интервью с Главой Российского Императорского Дома Великим Князем Владимиром Кирилловичем было записано в Париже 20 февраля 1992 года. Ранее, 5–7 февраля Францию с государственным визитом посетил Президент России Борис Николаевич Ельцин...

Перед нами пример того, как средства массовой информации в начале 1990-х годов формировали общественное мнение о преемственности современной России от Российской Империи. Это очень важный момент. Новой России нужна была идея преемственности власти. Конечно, речь не могла идти о реставрации Романовых. Но, оказавшись в эмиграции, Российский Императорский Дом сохранил себя как исторический институт и на протяжении всего XX века оставался *символом преемственности* между прошлым, настоящим и будущим, как и любая правящая или не правящая династия, исторически привязанная к своей стране. Это понимали в России.

Мы ещё вернёмся к этой теме, обратившись к средствам массовой информации, и проследим, как формировалось отношение к Членам Российского Императорского Дома, начиная с самой первой публикации, но вначале дадим определение самим понятиям «средства массовой информации», «общественное мнение» и «реинтеграция».

Средства массовой информации (СМИ) – периодические печатные издания, радио-, теле- и видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы распространения массовой информации [4, с. 323]. К СМИ относят всемирную компьютерную сеть. Выделяют несколько основных функций СМИ: информационную, образовательную, коммуникационную, организационную, *формирования общественного мнения* [5, с. 76] и другие. Систематическое распространение информации (через печать, радио, телевидение и так далее) преследует цель оказания идеологического, политического, экономического и организационного воздействия на оценки, мнения и поведения людей.

Общественное мнение – состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) людей к событиям и фактам социальной действительности, к деятельности различных групп и отдельных личностей [6, с. 242]. Выполняет оценочную, контрольную, коммуникативно-мобилизующую, регулятивную [7, с. 378 – 379] и другие функции. Действует как в рамках *общества в целом*, так и в рамках различных классов и *социальных групп*. Находит своё выражение в выборах органов власти, *СМИ*, опросах населения и других формах.

Реинтеграция – (от лат. *re* – приставка, указывающая на повторное, возобновляемое действие, и *integratio* – восстановление, восполнение) объединение чего-либо, прежде распавшегося, разбединённого, на новых принципах, основаниях [8, с. 591].

– *Расскажите, пожалуйста, о себе.*

– *Когда покойный Государь Николай II и вся его семья погибли, то линия Александра III кончилась. После него старшим членом нашей семьи был мой дед великий князь Владимир Александрович... [9].*

Тогда, в 1990 году, с выходом интервью с участием Великого Князя Владимира Кирилловича в журнале «Огонёк» для многих оказалось неожиданным, что династическая линия Романовых не прервалась в 1918 году, и что в Париже проживает Глава Российского Императорского Дома. По существу, с приведённых слов начинается период в 400-летней истории Дома Романовых, который можно назвать периодом реинтеграции Российского

Императорского Дома в общественную и культурную жизнь России, и который до сих пор не нашёл своего исследования. Может быть, потому, что он ещё не окончен, или потому, что мы являемся современниками этого процесса и не можем объективно подойти к рассмотрению некоторых вопросов.

Между тем, прошло более двадцати лет, и уже можно условно выделить в этом процессе несколько этапов. Первый – начинается с публикации в журнале «Огонёк» в 1990 году и завершается безвременной кончиной Великого Князя Владимира Кирилловича в 1992 году. Он нашёл своё отражение, главным образом, в СМИ, которые широко освещали начало процесса реинтеграции. Подтверждением этому служат многочисленные публикации в периодической печати, как регионального, так и федерального значения, на которые мы будем ссылаться. А также видеорепортажи, освещающие визит Великого Князя Владимира Кирилловича с супругой Великой Княгиней Леонидой Георгиевной в Санкт-Петербург в ноябре 1991 года и траурную церемонию погребения Великого Князя в Петропавловском Соборе в мае 1992 года.

СМИ не только освещали, но и формировали определённое общественное мнение, как общества в целом, так и отдельных групп, о событиях, связанных с началом реинтеграции. Необходимо отметить, что СМИ в начале 1990-х годов были главным источником информирования общества о положении Российского Императорского Дома в эмиграции. Других источников (например, документальной, научно-исследовательской литературы) долгое время не было [10]. Следовательно, СМИ были определяющим фактором формирования общественного мнения, которое, в свою очередь, нашло своё выражение в периодической печати, в монархических настроениях, пусть и незначительной части общества, а также в отношении к траурной церемонии 1992 года.

Реакция Главы Российского Императорского Дома на события, происходившие в России в начале 1990-х годов [11]; визит в Санкт-Петербург в ноябре 1991 года [12]; встреча Президента России Бориса Николаевича Ельцина с Великим Князем Владимиром Кирилловичем в феврале 1992 года [13]; реакция в России на безвременную кончину Великого Князя Владимира Кирилловича в апреле 1992 года [14]; принятие решения на государственном уровне о месте погребения Великого Князя и работа специально созданной комиссии по организации его похорон [15]; траурная церемония прощания с Главой Российского императорского Дома под сводами Петропавловского Собора в мае 1992 года [16] – всё это и многое другое нашло своё отражение в отечественных СМИ.

Обращаясь к интервью с участием Членов Российского Императорского Дома, нельзя обойти вниманием вопрос о монархии как о возможной форме будущего правления в России. Учитывая, что интерес к монархии в российском обществе в начале 1990-х годов, наряду с интересом к религии, стал возрастать [17], рассуждения Великого Князя Владимира Кирилловича по этому вопросу носили не отвлечённый, а вполне серьёзный характер:

– Монархия могла бы быть полезной Отечеству. Роль монарха – это роль верховного арбитра, стоящего выше любых партий и групп и помогающего достичь согласия... [18].

Более того, в СМИ появляется информация о прошедшем в мае 1990 года в Москве I Всероссийском монархическом съезде, на котором было принято решение призвать Великого Князя на Престол в случае завоевания на предстоящих выборах большинства мест в Парламенте [19]. Общественное мнение, таким образом, нашло своё выражение в проведении монархического съезда, который был бы не возможен без реакции определённой группы общества на события, связанные с началом реинтеграции Российского Императорского Дома.

– Главное оправдание нашего существования – готовность принести пользу Отечеству, которое мы принуждены были покинуть [20].

Владимир Кириллович был достаточно здравомыслящим человеком и прекрасно понимал всю практическую невозможность своего возвращения в Россию в качестве Императора. Но он хотел быть полезным. После выхода интервью в журнале «Огонёк» Великий Князь стал получать письма из России. Писала в основном молодёжь. Владимир Кириллович считал своим долгом ответить всем [21]. В 1991 году в Париже вышло «Обращение Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира

Кирилловича к российской молодёжи», позже перепечатанное многими российскими изданиями [22].

В своих интервью Великий Князь постоянно выражал надежду посетить Россию. При этом он неоднократно подчёркивал, что приедет только по приглашению главы государства, властей [23]. И оно последовало. Осенью 1991 года Глава Российского Императорского Дома получил письменное приглашение от мэра северной столицы Анатолия Собчака посетить Санкт-Петербург по случаю возвращения городу его исторического имени [1, с. 123 – 124.].

5 ноября 1991 года Глава Российского Императорского Дома впервые ступил на землю России [24]. Визит в Санкт-Петербург получил довольно широкое освещение в СМИ, как в печати, так и на телевидении. И не только в России [25].

– *Только уважительное и бережное отношение к прошлому способно осветить нам путь в будущее*, – выступая на пресс-конференции в Санкт-Петербурге, завещал Великий Князь.

Ничего не предвещало его скорой кончины. В феврале 1992 года в Париже состоялась встреча Главы Российского Императорского Дома с Президентом России в рамках его официального визита во Францию. В ходе этой встречи Президент пригласил Великого Князя посетить в мае Москву [26]. Но неожиданно для многих в двадцатых числах апреля в СМИ появится сообщение: в возрасте 74 лет в американском городе Майами (штат Флорида) скончался Глава Российского Императорского Дома [27]. Смерть наступила во вторник 21 апреля во второй половине дня [28].

Реакцией в России стало принятие решения на высоком уровне о погребении Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича в Великокняжеской Усыпальнице Петропавловского Собора Санкт-Петербурга [29]. Таким образом, выполнялась последняя воля усопшего. Траурная церемония погребения состоялась 29 мая 1992 года [30]. Отпевал Главу Российского Императорского Дома Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Проститься пришли тысячи простых людей. И их решение прийти – было отражением общественного мнения о Великом Князе, как и в целом о Российском Императорском Доме, которое всего несколько лет назад находилось под влиянием советской историографии [31], и которое изменилось благодаря средствам массовой информации и личности самого Великого Князя Владимира Кирилловича.

Заключение.

Таким образом, проанализировав СМИ, мы можем прийти к выводу, что начальный этап реинтеграции Российского Императорского Дома в общественную и культурную жизнь России в начале 1990-х годов получил довольно широкое освещение. При этом необходимо отметить, что публикации в СМИ тех лет, освещающие события, связанные с возвращением Российского Императорского Дома в Россию, носят информационный характер и в целом лишены политической конъюнктуры.

Несомненной заслугой Великого Князя Владимира Кирилловича является не только то, что он положил начало процессу реинтеграции Российского Императорского Дома в Россию, но и то, что он стал своего рода символом преемственности между прошлым и настоящим – символом возрождающейся России. Подтверждением тому служат многочисленные публикации о нём в российской периодической печати начала 1990-х годов. И хочется верить, что то духовное наследие, которое оставил после себя Великий Князь – в письмах, официальных обращениях, статьях, интервью – ещё будет востребовано.

Примечания:

1. Великий Князь Владимир Кириллович, Великая Княгиня Леонида Георгиевна. Россия в нашем сердце. С.-Пб.: Лики России, 1995. 160 с.
2. Радашкевич А. Десять апрелей спустя. К 10-й годовщине со дня смерти Великого князя Владимира Кирилловича. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_85.html; Закатов А.Н. Царственный ровесник революции (к 20-летию со дня кончины Главы Дома Романовых Е.И.В. Государя Великого Князя Владимира Кирилловича). URL: <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/articles/711.html>

3. Караулов А. «Супруги Собчаки приняли нас очень ласково...» // Независимая газета. 1992. 6 марта. С. 8.
4. Сборник законов Российской Федерации. М.: «Информэкспо». Воронеж: издательство Борисова, 2001. 602 с.
5. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2007. 351 с.
6. Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. Прохоров А.М. Т. 18. М.: «Советская Энциклопедия», 1974. 632 с.
7. Горшков М.К. Общественное мнение. История и современность. М.: Политиздат, 1988. 383 с.
8. Современный словарь иностранных слов / Гл. ред. Булыко А.Н. М.: «Мартин», 2005. 848 с.
9. Вронская Ж. Корона Российской Империи // Огонёк. 1990. № 2. С. 28 – 29.
10. В 1993 году в России вышла книга шведского писателя Стаффана Скотта «Романовы. Кто они были? Что с ними стало?», которая стала первым большим обзором судеб Династии на протяжении всего XX века (в более позднем издании – до 1999 года). Тем не менее, события, связанные с началом реинтеграции Российского Императорского Дома в Россию в книге не получили своего отражения (ни в первом, ни в последующих изданиях). См. Скотт. С. Романовы. Биография династии. М.: Захаров, 2002. 320 с.
11. Линсиэ Л. С точки зрения Великого Князя // VIP. 1991. № 6. С. 44–47; Шмыгановский В. «Я давно не испытывал такого чувства гордости» // Известия. 1991. № 207. 31 августа. С. 5.
12. Глава Российского императорского дома Великий князь Владимир Кириллович впервые ступил на землю России // Известия, ИТАР-ТАСС. 1991. 7 ноября. С. 1; Егорова Н., Зелинский С. Наследник престола в престольном граде // Невское время. 1991. № 132. С. 1; Караулов А. «Супруги Собчаки приняли нас очень ласково...» // Независимая газета. 1992. 6 марта. С. 8.
13. Коваленко Ю. Президент России заручился поддержкой наших экономических реформ // Известия. 1992. 8 февраля. № 32. С. 7; Орлов В. Ельцин рискует... // Московские новости. 1992. 14 февраля. № 7. С. 13.
14. Князев И. Умер престолонаследник // Независимая газета. 23 апреля. № 79. С. 6; Дмитриева О., Овчаренко Е. Упокой его душу Россия // Комсомольская правда. 1992. 24 апреля № 76. С. 3.
15. Родин И. Похороны престолонаследника откладываются // Независимая газета. 1992. 29 апреля. № 83. С. 1; Трезин В. Страсти по Владимиру // Московские новости. 1992. 3 мая. № 18. С. 8.
16. Кашин А. Завещание Великого князя // Российская газета. 1992. 28 мая. № 121. С. 8; Краюхин С. Российская земля приняла прах Великого князя // Известия. 1992. 30 мая. № 125. С. 4.
17. Энгельгардт-Юрков С.В. Есть ли будущее у монархической идеи? // Диалог. 1990. № 17. С. 37 – 40; Колтыпин-Валловский П.Н. Пути монархии неисповедимы // Литературная газета. 1992. 10 января. № 1 – 2. С. 23 – 24.
18. Давыдова Н. Претендент на престол // Московские новости. 1990. № 31. С. 9.
19. Зюбин. В. Боже, царя верни? // Красная звезда. 1990. № 150. 30 июня. С. 3.
20. Давыдова Н. Претендент на престол // Московские новости. 1990. № 31. С. 9.
21. Радашкевич А. «Я исполню свой долг...» // Мы. 1991. № 10. С. 72 – 86.
22. Обращение Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича к российской молодёжи. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_82.html
23. Шмыгановский В. «Я давно не испытывал такого чувства гордости» // Известия. 1991. № 207. 31 августа. С. 5; Дмитриева О., Долгополов Н. Дом Романовых // Комсомольская правда. 1991. 7 сентября. С. 4.
24. Глава Российского императорского дома Великий князь Владимир Кириллович впервые ступил на землю России // Известия, ИТАР-ТАСС. 1991. 7 ноября.
25. Радашкевич А. Виват, Санкт-Петербург! Хроника визита Великого Князя Владимира Кирилловича и Великой Княгини Леониды Георгиевны в Россию. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_81.html
26. Орлов В. Ельцин рискует... // Московские новости. 1992. 14 февраля. № 7. С. 13.
27. Степанов Г. Скончался наследник российского престола Владимир Кириллович Романов // Известия. 1992. 23 апреля. № 93. С. 1; Колесниченко М. Помогал возрождению России // Эхо планеты. 1992. № 17. С. 11.
28. В США Великий Князь Владимир Кириллович прибыл накануне для участия в пресс-конференции, посвященной проблемам экономического развития России. На пресс-конференции Великий Князь должен был прочесть два доклада на тему «Династия Романовых и будущее России». 21 апреля, выступая перед огромной аудиторией, он потерял сознание и уже больше не приходил в себя. См.: Дмитриева О., Овчаренко Е. Упокой его душу Россия // Комсомольская правда. 1992.

24 апреля № 76. С. 3.

29. Прах Великого князя упокоится в Петропавловском некрополе // Известия, ИТАР-ТАСС. 1992. 29 апреля. С. 1.

30. Краюхин С. Российская земля приняла прах Великого князя // Известия. 1992. 30 мая. № 125. С. 4.

31. Примером такого влияния может служить книга журналиста и историка Марка Константиновича Касвинова «Двадцать три ступени вниз», в третий раз переизданная в 1989 году – за три года до встречи Президента России Бориса Николаевича Ельцина с Главой Российского Императорского Дома Великим Князем Владимиром Кирилловичем. См.: Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1989. 459 с.

References:

1. Velikii Knyaz' Vladimir Kirillovich, Velikaya Knyaginya Leonida Georgievna. Rossiya v nashem serdtse. S.-Pb.: Liki Rossii, 1995. 160 s.
2. Radashkevich A. Desyat' aprelei spustya. K 10-i godovshchine so dnya smerti Velikogo knyazya Vladimira Kirillovicha. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_85.html; Zakatov A.N. Tsarstvennyi rovesnik revolyutsii (k 20-letiyu so dnya konchiny Glavy Doma Romanovykh E.I.V. Gosudarya Velikogo Knyazya Vladimira Kirillovicha). URL: <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/articles/711.html>
3. Karaulov A. «Suprugi Sobchaki prinyali nas ochen' laskovo...» // Nezavisimaya gazeta. 1992. 6 marta. S. 8.
4. Sbornik zakonov Rossiiskoi Federatsii. M.: «Informekspo». Voronezh: izdatel'stvo Borisova, 2001. 602 s.
5. Prokhorov E.P. Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki. M.: Aspekt Press, 2007. 351 s.
6. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya / Gl. red. Prokhorov A.M. T. 18. M.: «Sovetskaya Entsiklopediya», 1974. 632 s.
7. Gorshkov M.K. Obschestvennoe mnenie. Istoriya i sovremennost'. M.: Politizdat, 1988. 383 s.
8. Sovremennyi slovar' inostrannykh slov / Gl. red. Bulyko A.N. M.: «Martin», 2005. 848 s.
9. Vronskaya Zh. Korona Rossiiskoi Imperii // Ogonek. 1990. № 2. S. 28 – 29.
10. V 1993 godu v Rossii vyshla kniga shvedskogo pisatelya Staffana Skotta «Romanovy. Kto oni byli? Chto s nimi stalo?», kotoraya stala pervym bol'shim obzorom sudeb Dinastii na protyazhenii vsego XX veka (v bolee pozdnem izdaniy – do 1999 goda). Tem ne menee, sobytiya, svyazannye s nachalom reintegratsii Rossiiskogo Imperatorskogo Doma v Rossiyu v knige ne poluchili svoego otrazheniya (ni v pervom, ni v posleduyushchikh izdaniyakh). Sm. Skott. S. Romanovy. Biografiya dinastii. M.: Zakharov, 2002. 320 s.
11. Linsie L. S tochki zreniya Velikogo Knyazya // VIP. 1991. № 6. S. 44 – 47; Shmyganovskii V. «Ya davno ne ispytyval takogo chuvstva gordosti» // Izvestiya. 1991. № 207. 31 avgusta. S. 5.
12. Glava Rossiiskogo imperatorskogo doma Velikii knyaz' Vladimir Kirillovich v pervye stupil na zemlyu Rossii // Izvestiya, ИТАР-ТАСС. 1991. 7 noyabrya. S. 1; Egorova N., Zelinskii S. Naslednik prestola v prestol'nom grade // Nevskoe vremya. 1991. № 132. S. 1; Karaulov A. «Suprugi Sobchaki prinyali nas ochen' laskovo...» // Nezavisimaya gazeta. 1992. 6 marta. S. 8.
13. Kovalenko Yu. Prezident Rossii zaruchilsya podderzhkoi nashikh ekonomicheskikh reform // Izvestiya. 1992. 8 fevralya. № 32. S. 7; Orlov V. El'tsin riskuet... // Moskovskie novosti. 1992. 14 fevralya. № 7. S. 13.
14. Knyazev I. Umer prestolonaslednik // Nezavisimaya gazeta. 23 aprelya. № 79. S. 6; Dmitrieva O., Ovcharenko E. Upokoi ego dushu Rossiya // Komsomol'skaya pravda. 1992. 24 aprelya № 76. S. 3.
15. Rodin I. Pokhorony prestolonaslednika otkladyvayutsya // Nezavisimaya gazeta. 1992. 29 aprelya. № 83. S. 1; Trezin V. Strasti po Vladimiru // Moskovskie novosti. 1992. 3 maya. № 18. S. 8.
16. Kashin A. Zaveschanie Velikogo knyazya // Rossiiskaya gazeta. 1992. 28 maya. № 121. S. 8; Krayukhin S. Rossiiskaya zemlya prinyala prakh Velikogo knyazya // Izvestiya. 1992. 30 maya. № 125. S. 4.
17. Engel'gardt-Yurkov S.V. Est' li budushchee u monarkhicheskoi idei? // Dialog. 1990. № 17. S. 37 – 40; Koltypin-Vallovskii P.N. Puti monarkhii neispovedimy // Literaturnaya gazeta. 1992. 10 yanvarya. № 1 – 2. S. 23 – 24.
18. Davydova N. Pretendent na prestol // Moskovskie novosti. 1990. № 31. S. 9.
19. Zyubin. V. Bozhe, tsarya verni? // Krasnaya zvezda. 1990. № 150. 30 iyunya. S. 3.
20. Davydova N. Pretendent na prestol // Moskovskie novosti. 1990. № 31. S. 9.
21. Radashkevich A. «Ya ispolnyu svoi dolg...» // My. 1991. № 10. S. 72 – 86.
22. Obrashchenie Glavy Rossiiskogo Imperatorskogo Doma Velikogo Knyazya Vladimira Kirillovicha k rossiiskoi molodezhi. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_82.html
23. Shmyganovskii V. «Ya davno ne ispytyval takogo chuvstva gordosti» // Izvestiya. 1991. № 207. 31 avgusta. S. 5; Dmitrieva O., Dolgoplov N. Dom Romanovykh // Komsomol'skaya pravda. 1991.

7 sentyabrya. S. 4.

24. Glava Rossiiskogo imperatorskogo doma Velikii knyaz' Vladimir Kirillovich v pervye stupil na zemlyu Rossii // Izvestiya, ITAR-TASS. 1991. 7 noyabrya.

25. Radashkevich A. Vivat, Sankt-Peterburg! Khronika vizita Velikogo Knyazya Vladimira Kirillovicha i Velikoi Knyagini Leonidy Georgievny v Rossiyu. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_81.html

26. Orlov V. El'tsin riskuet... // Moskovskie novosti. 1992. 14 fevralya. № 7. S. 13.

27. Stepanov G. Skonchalsya naslednik rossiiskogo prestola Vladimir Kirillovich Romanov // Izvestiya. 1992. 23 aprelya. № 93. S. 1; Kolesnichenko M. Pomogal vozrozhdeniyu Rossii // Ekho planety. 1992. № 17. S. 11.

28. V SShA Velikii Knyaz' Vladimir Kirillovich pribyl nakanune dlya uchastiya v press-konferentsii, posvyashchennoi problemam ekonomicheskogo razvitiya Rossii. Na press-konferentsii Velikii Knyaz' dolzhen byl prochest' dva doklada na temu «Dinastiya Romanovykh i budushchee Rossii». 21 aprelya, vystupaya pered ogromnoi auditoriei, on poteryal soznanie i uzhe bol'she ne prikhodil v sebya. Sm.: Dmitrieva O., Ovcharenko E. Upokoi ego dushu Rossiya // Komsomol'skaya pravda. 1992. 24 aprelya № 76. S. 3.

29. Prakh Velikogo knyazya upokoitsya v Petropavlovskom nekropole // Izvestiya, ITAR-TASS. 1992. 29 aprelya. S. 1.

30. Krayukhin S. Rossiiskaya zemlya prinyala prakh Velikogo knyazya // Izvestiya. 1992. 30 maya. № 125. S. 4.

31. Primerom takogo vliyaniya mozhet sluzhit' kniga zhurnalista i istorika Marka Konstantinovicha Kasvinova «Dvadsat' tri stupeni vniz», v tretii raz pereizdannaya v 1989 godu – za tri goda do vstrechi Prezidenta Rossii Borisa Nikolaevicha El'tsina s Glavoi Rossiiskogo Imperatorskogo Doma Velikim Knyazem Vladimirom Kirillovichem. Sm.: Kasvinov M.K. Dvadsat' tri stupeni vniz. M.: Mysl', 1989. 459 s.

УДК 94(47).084.9

**СМИ как определяющий фактор формирования
общественного мнения о событиях, связанных с началом реинтеграции
Российского Императорского Дома в Россию
(1990 – 1992 гг.)**

Александр Викторович Павлов

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.1-3, 7-й подъезд
E-mail: pavlov_2007-83@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются материалы СМИ за 1991 – 1992 года, освещающие события, связанные с началом реинтеграции Российского Императорского Дома в Россию. Определяется роль СМИ в формировании общественного мнения о Великом Князе Владимире Кирилловиче и событиях, происходивших в России в начале 1990-х годов и связанных с его именем.

Ключевые слова: средства массовой информации; общественное мнение; реинтеграция.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 47-60, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94(470) «1931/1939»

«We Also Want to Live Happily, as Our Beloved Stalin»: Letters cut Emotional Leaders of the Provincial Cities of the USSR (1930s)*

Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
Kuban Naberezhnaya street, 4. Krasnodar city, 350063
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the emotional sphere of Soviet everyday life from the perspective of cultural history of emotions. The study of this slice of everyday life (for example, the provincial cities of the USSR of the 1930s) requires the use of appropriate sources. Such sources in this case were letters leaders (Stalin, Molotov, Kalinin, etc.) from ordinary citizens. These documents describe different aspects of life in the provincial cities of the country specific requests of citizens, and, in general, give an idea of what the ideal pre-war decades of the Soviet people was "happy life", which, for the most part, they were deprived.

Keywords: Cultural history of emotions; daily provincial town; letters of authority; complaints; requests; survival; emotional reaction; sadness; grief; joyfulness; happiness; love.

Введение.

В августе 1935 г. в письме на имя секретаря ЦИК СССР (в недавнем прошлом – первого Прокурора СССР) И.А. Акулова старый большевик Ф.И. Лаптев, проживавший в г. Кирове, передавал «сердечный привет» Михаилу Ивановичу Калинин. При этом без видимой цели отметил, что написать «душевный привет» не хочет, так как «в человеке души никакой нет и быть не может, а есть только весьма сложная машина» [1]. Машине, действительно, эмоции испытывать не дано. Человеку же, как бы ни гнали от себя эту мысль наиболее последовательные строители нового социалистического общества, индивидуальных душевных переживаний не избежать. Задавшись целью расширить представления об эмоциональной жизни советского человека сталинской эпохи, историкам, безусловно, стоит сосредоточиться на дневниках и частной переписке как источниках личного происхождения, уже в силу своей специфики запечатлевших пережитое в данной сфере. Подобные исследовательские задачи могут решаться и обращением к художественной литературе рассматриваемого периода.

В то же время в контексте изучения культурной истории эмоций, наряду с названными источниками, весьма небесполезно исследовать различные формы апелляции советских граждан во власть (к ним относятся письма, заявления, прошения, доносы и пр.), тем более

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00239а «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х гг. в ракурсе культурной истории эмоций».

что они являются своего рода приметой сталинского времени (при том, конечно, что данная традиция имеет глубокие корни в челобитной и петиционной культуре российского общества). По утверждению составителей сборника «Письма во власть. 1928–1939 гг.», вышедшего в серии «Документы советской истории» и представившего большую подборку характерных источников, заявления и письма такого рода, с одной стороны, были важнейшей частью механизма управления государством, а, с другой, – являлись значимым срезом общественных настроений [2].

Как известно, социологи трактуют общественное настроение как социально-психологический феномен, проявляющийся в определенном состоянии чувств и умов, типичных для конкретной группы, общества в целом в тот или иной период времени или для некоторой социальной ситуации. В совокупности с потребностями и общественным характером общественное настроение образует эмоционально-волевой аспект общественной психологии. Также важно, что его отличает определенный уровень накала: апатия, депрессия, подъем, энтузиазм. Познакомившись с вышеупомянутым сборником документов 1928–1939 гг., можно зафиксировать различные степени эмоциональной интенсивности, проявлявшиеся на отдельных стадиях того исторического отрезка, который историки обычно называют «сталинской революцией сверху». Очевидно, что накал эмоций менялся под влиянием тех многочисленных в рамках данного периода событий, которые серьезнейшим образом трансформировали жизнь страны и, чаще всего, имели трагические последствия для ее населения. При этом эмоциональная реакция на конкретные события определялась тем, насколько они затрагивали интересы того или иного слоя советского общества. Опираясь на материалы данного сборника, попытаемся рассмотреть сквозь призму эмоций те письма в адрес вождей партии и государства, которые поступали к ним в столицу из провинциальных городов Советского Союза [3].

Обсуждение и результаты.

Среди характеристик эмоции основной считается валентность (или тон), т.е. ее принадлежность к отрицательному или положительному ряду. То, что для большей части корреспонденции, адресованной советским вождям из провинции, было свойственно отражение негативных эмоций, в принципе, не удивительно, т.к. перед нами, в большинстве своем, жалобы и прошения граждан. Однако здесь не лишне акцентировать, что во многих посланиях есть указание на длительность испытываемой эмоции (горя, печали, гнева и др.), ее не ситуативный, а хронический характер. На этом фоне выражения любви, уважения, почитания, которые также довольно распространены в корреспонденции вождей (и к которым мы обратимся специально во второй части настоящей статьи), вызывают вполне объяснимые сомнения в искренности их авторов и, даже более того, зачастую представляются лицемерными.

Что касается затяжного характера душевных переживаний, то накопившуюся горечь тех, кто называл себя старыми большевиками, можно прочувствовать по письму Николая Семеновича Кратюка – «человека низшей революционной породы». Именно так отрекомендовался Кратюк В.М. Молотову, когда решил в сентябре 1935 г. послать ему письмо. Приняв это непростое решение («*Что бы написать Вам – я долго терзался, ведь это письмо все же просительное*»), Кратюк на прочтении своего послания настаивал не без нажима: «*Я, т[оварищ] Молотов, не пропускаю ни одной Вашей речи в газетах. Читаю. Почитайте и Вы один раз, что я пишу Вам*» [4].

Свою автобиографию Кратюк умещает на одной странице: описывает рабочее происхождение и то, как «*за всю революционную жизнь отбухал около 10 лет тюрьмы, 7 лет ссылки и 2,5 года партизанства*». В краю ссылных (г. Минусинске Красноярского края) он и осел, поскольку для возвращения на родную Украину средствами не располагал, а обращения к Калинину и в местные органы власти по данному поводу результата не дали. Следующая часть письма гораздо более пространный и посвящена описанию существования семьи Кратюка, готового махнуть рукой на любые собственные проблемы, но имевшего «*на несчастье*» жену и четырех детей. Хроническое недоедание, отсутствие обуви и одежды (на которые нет средств, а, впрочем, и в магазинах их тоже нет), плохое здоровье – таковы лишь некоторые из бед «*камнем давящей*» на Кратюка семьи. На всем протяжении объемного письма невозможно отыскать слов любви и тепла в адрес этих самых близких автору людей,

а лишь тотальное беспокойство за их элементарное выживание. «Обида» и «беспредельная тоска» – таким вырисовывается эмоциональный фон жизни этого еще нестарого человека.

Что касается социальной зависти, то она также имеет место. Зависть возникает от сравнения с бытом тех, кто «*потихоньку сосет советскую коровушку*» («*а узнать [таких] нетрудно в маленьком городишке, если присмотреться к их жизни*»), но также, очевидно, распространяется на адресата письма как представителя верхнего слоя большевистской партии, который обеспечил себе безбедную жизнь. Кратюк сообщает Молотову, что написал ему еще и для своеобразного укора – «*потому, чтобы Вы узнали, ложась спать в теплой, удобной квартире, без мысли: что же завтра есть, вспомнили Кратюка в Сибири, застрявшего в ссылке, который (да не один, а целой семьей) в процессе II стадии чахотки угасает от недоедания, того Кратюка, который долгие годы тюрьмы, ссылки, сопок голодал, мерз и наживал болезни*». Представление о душевном состоянии корреспондента можно уточнить и по приведенной в письме Молотову сцене: «*В комнате перед моей кроватью висят два портрета: Ваш и Сталина. Часто я подолгу смотрю на Вас и мысленно перебираю свои 25 лет. О чем я думаю, глядя на Вас, и что говорю вашим портретам – Вы не знаете*» [5].

Стоит отметить, что запрошенная Н.С. Кратюком корова (просьба помочь с ее приобретением в рассрочку и была целью письма Молотову) оказалась ему выдана уже через две недели, причем бесплатно. В реакции получателя благодарность смешивалась со смущением, желанием оправдать свое «*клянчище*»: «*Для семьи приобретение коровы бесплатно явилось приятной неожиданностью. Целое событие!.. Если бы не жена-туберкулезник и двое детей с большой пониженной упитанностью и долгим хроническим недоеданием – я не стал бы беспокоить товарища Молотова. Я решил из-за семьи на крайнюю меру...*» Правда, теперь уже сам Кратюк столкнулся с завистью окружающих, переживая «*немало неприятностей*», к которым, впрочем, относился стойчески: «*Ко мне приставали с вопросами: как удалось достать корову и почему через Молотова. Я насмешливо отвечал: “Кум мне Молотов – вот и корову дал крестнику”... Впрочем, поговорят и бросят. Большое спасибо за быстроту и заботу*» [6].

Поскольку жалобы на голодное либо полуголодное существование присутствуют в письмах горожан как доминирующие, то трудно ожидать проблесков в них положительных эмоций. Разочарование и безысходность выступают как основной лейтмотив многих писем. Разочарованность происходила из дезориентации (своего рода «ножниц»), наступавшей вследствие неумеренного декларирования успехов в масштабе страны и реально ощущаемого собственного (и миллионов других подобных) прозябания на обочине жизни. «*Я читаю газеты и знаю, что наша родина богата и имеет все, что угодно, но я не понимаю, отчего тогда у нас нет самого необходимого для жизни*», – обращалась к В.М. Молотову домашняя хозяйка из Горького (ноябрь 1938 г.). Женщина подробно информировала его о продовольственных проблемах, когда месяцами наблюдаются перебои с основными продуктами питания (чаем, маслом, мясом и др.) и предметами первой необходимости (мылом, спичками и пр.). Положение «*подальше от Горького*» описывала как еще более плачевное; приводила в пример город Богородск, находящийся в двух часах езды от Горького, где ее подруга (по профессии счетовод) «*совершенно голодает, т.к. купить там поесть нечего*». Задавалась резонным вопросом: «*Что же тогда есть в тех городах, которые еще дальше от Москвы или других больших городов?*». Такое положение казалось женщине «*ненормальным*», порождающим в тех же очередях «*нехорошие разговоры, от которых становится обидно*» [7].

Что касается писем, ориентированных на получение поддержки от вождя по конкретному вопросу, то постепенно сложился и закрепился определенный шаблон такого рода «*прошений*» (о материальной помощи, справедливом разборе дела осужденного и др.). Начальная (порой – довольно обширная) часть письма обычно посвящалась углублению в тот событийный ряд, который, по мнению корреспондента (или корреспондентов), имел косвенное или прямое отношение к актуальной его (их) проблеме. Так, достаточно эмоционально могла быть изложена история жизни «героя» письма, которая чаще всего велась от бедственного положения его родителей в царской России, через трудности его собственного взросления и становления к настоящим (безусловно, разительным) переменам. В этом месте почти в обязательном порядке обнаруживается момент

эмоционального всплеска по поводу положительных трансформаций, которые произошли в советское время, и, на самом деле, в большинстве случаев весьма затруднительно прояснить, насколько искренен автор письма в своих дифирамбах свершениям Советской власти (единственное – он может, вольно или невольно, «обнажить» свое истинное мнение об этих достижениях позже). Важным элементом письма, предшествующим изложению конкретной проблемы и просьбы, нередко выступает момент самокритики или даже самообличения, которым автор как бы подтверждает свою правдивость и преданность. В «самокритичном» сюжете письма речь могла идти о совершенно безобидных прегрешениях либо, напротив, происходило признание вины как раз в том, что, очевидно, и явилось поводом к написанию данного письма. В последнем случае автор использовал возможность дать собственное видение вопроса, иное измерение собственной вины и пр. Следовавшая далее конкретика жалоб и просьб обычно шлифовалась уверениями, что лучшей жизни, чем в СССР, автор себе не представляет; в крайнем случае, автор выражал надежды на ее всемерное улучшение в ближайшем будущем.

Характерно, что подобной, по-своему «грамотной» (как казалось, гарантирующей внимание власть предержащих) логике изложения следовали не только взрослые люди, но даже дети и подростки (которым, безусловно, могли помогать в написании писем представители старших поколений). Например, четвероклассница из г. Харькова Майя Водяникова, пытаясь защитить своего арестованного отца в письме к М.И. Калинину от 22 апреля 1938 г., подчеркивала его рабочее происхождение, раннее сиротство (*«папа остался без средств и малограмотным»*) и лишения, которые он претерпел в юности (*«босый и голый, всегда нуждался в хлебе»*). Не меньше внимания уделила девочка истории жизни матери (*«дочери крестьянина-бедняка»*), специально остановившись на эпизоде, когда *«во время Деникина»* в доме мамы производился обыск, женщина была избита. Есть в письме школьницы и по-своему неизбежный момент признания, когда на свет было извлечено *«грязное пятно»* из жизни отца, *«за которое он сам страдает, но он не виноват»*. Собственно, речь в данном случае идет о непосредственной причине ареста: *«Папа поступил на работу и не скрыл, а писал в анкете, что был мобилизован, – за что папа и арестован сейчас как офицер, но офицером папа никогда не был и не мог быть»*. В завершающей части письма харьковской школьницы, кроме просьб о помощи и заверений в благодарности, вновь муссировалась тема идеальной жизни семьи Водяниковых в Советском Союзе: *«Дорогой Михаил Иванович, мои родители и я стали спокойно жить и счастливо в нашей свободной родной стране: комнату мы получили из горсовета хорошую, светлую, культурно живем»* [8].

Примерно по той же схеме составлено щемящее письмо М.И. Калинину за подписью семерых детей (от 6 до 18 лет) 46-тилетнего И.К. Малиновского. Последний, согласно этому письму от 18 февраля 1938 г., полжизни отработал шахтером на одной из шахт Донбасса, затем по инвалидности перешел в сторожа, но вскоре был арестован. *«Дружно и весело жила семья кадрового рабочего, так как все до мелочи было за отцом»*, – таким сохранилось прошлое семьи в памяти детей. В настоящем же многодетная семья ощутила себя беспомощной; как указано в письме, *«далекими и не нужными стране людьми»*. Обращение к Калинину детей, совершенно не осведомленных о сути предъявленных отцу обвинений, заключалось в следующем: *«Мы, семеро детей, убедительно просим Президиум Верховного Совета СССР обратить самое серьезное внимание к нам, семерым детям, и нашей маме, и помиловать нашего дорогого отца и вернуть его домой к своим детям, чтобы мы и впредь могли дружно и весело жить в нашей прекрасной стране, иначе мы пропадем как собаки скверного хозяина»* [9].

Еще более примечателен настрой сыновей жителя г. Харькова П.И. Синевича, осужденного на восемь лет и уже около двух лет отбывавшего наказание на Дальнем Востоке. В письме от 12 марта 1938 г., адресованном Н.К. Крупской, мальчики обрисовали свое бедственное положение: *«Мы ходим в школу голые, босые, страшно голодаем. Ведь причем мы, что нашего папу посадили. Мы сейчас занимаем угол – платим 25 рублей. Мама ходит по чужим людям, стирает белье, дабы дать что-нибудь покушать. Мы смотрим на мальчиков, которые ходят с нами в одну школу: они все одетые и обутые, и радостно и весело живут. Мы также хотим жить весело и радостно, как наш любимый родной Сталин»*. Разрешение своей проблемы Жора и Женя видели в

отправке их с матерью к отцу, о чем и просили Крупскую: «...чтобы мы были вместе, и мы надеемся, что Вы создадите счастливую радостную жизнь» [10]. Из многократного повторения слов о «радостной жизни» не трудно представить себе мечту этих обездоленных детей.

Но даже дети понимали, что нужно следовать некоему канону, и прежде чем обратиться за объяснениями или с конкретной просьбой к вождю, стоит сказать некие ласковые слова, выразить если не подобоострастное, то уважительное отношение к нему. Поэтому так не по годам тщательно подбирал слова для своего письма М.И. Калинин ученик 7 класса из г. Аткарска Саратовской области Иосиф Григорьевич Любимов (С. 340-341). В письме, датированном апрелем 1937 г., подросток путался в обращении к адресату (использовал одновременно «ты» и «Вы»), но мотивацию написать «другу и лучшему руководителю страны» сформулировал точно. Цель данного письма состояла в просьбе объяснить некоторые процессы и явления в жизни города Аткарска, по поводу которых у мальчика возникли «сомнения». «Если Вы объясните, то я буду очень рад и доволен», – выводит он в конце письма [11].

Дело в том, что обращения Иосифа к городскому начальству (а эту стадию он уже прошел), успехом не увенчались («...говорят, что ты еще мал и утри сопли»). Он же продолжал беспокоиться о несоответствии происходящего в родном городе «судьбе или закону». Если конкретизировать, то беспокойство вызывали: закрытие и слом церквей, грошовая зарплата рабочих людей, «неподсильная» производственная занятость женщин и др. Мальчик достаточно грамотно для своего возраста излагал суть этих проблем, по его предположению, характерных исключительно для Аткарска (по крайней мере, по своему опыту пребывания в Москве и Московской области, он видел там лучшую жизнь). Анализ происходил в контексте сравнения «старой» и «новой» жизни, и Иосиф находился под впечатлением от того, что вокруг немало «старых» и «средних» (вероятно, по возрасту) людей, которые делают выбор в пользу той жизни, что была в дореволюционном прошлом. Как можно понять из письма Иосифа Любимого, он, при всей своей уверенности в «победе» (надо думать, социалистического строительства), после тщательной «проработки» Конституции оказывается на стороне этих людей, а значит – «в водовороте между капиталистическим и социалистическим обществом». Такое собственное положение его тревожит, вот он и обращается за разрешением сомнений к Калинин. Ведь поскольку «Конституция дает право любого гражданина на все, что он хочет», то, к примеру, советский гражданин должен иметь право и возможность ходить в «любимую» церковь [12].

Сомнениями в те годы мучились не только дети, но и взрослые. И, кстати, довольно часто призывая на помощь именно «свежеиспеченную» Конституцию 1936 г., требовали от вождей соблюдения законности («по Конституции») и рациональных объяснений по поводу расхождения положений законов и лозунгов с действительным течением жизни в их городах.

Самим корреспондентам реалии городской повседневности порой казались столь ненормальными и фантазмагоричными, что они опасались, что вождь-адресат вряд ли в них поверит. «[Если Вы прочитаете] мое описание на двадцатой годовщине Октября – подумаете, что [это] ложь», – прогнозировал реакцию Калинина на собственное письмо от 17 апреля 1937 г. рабочий Госспичфабрики «Волна революции» В. Третьяков, проживавший в г. Новозыбкове Западной области. «Кошмар» в сфере продовольственного снабжения города, который описывал Третьяков, заключался в ежедневных огромных очередях за хлебом, стояние в которых для многих оканчивалось безрезультатно (хлеба на всех не хватало), а для некоторых – даже смертью (имеет в виду двух задавленных беременными женщинами). Кроме того, хлынувшие в города за хлебом сельские жители из близлежащих к Новозыбкову районов вызывали «вражду и скандалы» («а они не виноваты», т.к. «на село до 1.01.1937 г. возили хлеб, а с 1.01. это прекратили»), разрушение «смычки города с деревней». В отношении других продуктов, а тем более «мануфактуры» положение было еще хуже. Чтобы убедить Калинина, что ситуация именно такова, Третьяков просил: «...вышлите беспристрастного надежного товарища, пусть он приедет в город Новозыбков. Поезд Московский к нам прибывает в 4 часа утра, пусть он возьмет извозчика и скажет ему, чтобы он его повозил по всем хлебным магазинам, около которых он уже увидит очередь человек в 150-200. Пусть инкогнито поинтересуется,

посмотрит, что получается. Когда станут открывать хлебные магазины, это один кошмар, и этот товарищ воочию убедится, что здесь написанное – истинная правда» [13].

В отличие от приведенных выше посланий, авторам анонимных писем вождям не было необходимости прятать или вуалировать свои негативные эмоции. Выплеск последних и был одним из посылов подобных писем, естественно, наряду с надеждой добиться справедливости, понудить власть изменить сложившийся порядок. Так, письмо анонимных авторов В.М. Молотову, датированное 20 июня 1938 г., посвящено политическим репрессиям в стране. Оно предельно насыщено негативной информацией, которая излагается трезво, но, одновременно, высоко эмоционально: *«История не знает еще такого гонения на людей, какое происходит в наше время, а в особенности за последние годы – 1937 и 1938. Сплошной ужас... Сотни тысяч людей томятся по тюрьмам, не зная совершенно за что. <...> Все запуганы. <...> Страданиям людей не видно конца»*. Примечательно, что авторы письма не являются просителями по какому-то конкретному «делу», а исполнены жалости и сочувствия к невинно осужденным – тем, *«кто гниет заживо и умирает медленной, но ужасной смертью»* в местах заключения, которые *«теперь зовутся кладбищем живых»*. Эти люди находятся на одном полюсе внимания корреспондентов Молотова, а на другом – работники НКВД, прокуроры и иные инстанции, которые ответственны за масштаб репрессий. Будучи *«полными хозяевами страны»* (*«что задумают, то и сделают»*), эти люди сознательно усугубляют положение репрессированных. К ним примыкают доносчики, желающие показать свою *«бдительность»*, а, на самом деле, являющиеся *«подлецами-карьеристами»*, *«по “злумышленной клевете” которых осуждаются сотни тысяч “безвинных”*». Между этими полюсами и помещается авторами анонимного письма фигура Молотова, которому предлагается попытаться изменить ситуацию. Основания для этого – слухи, курсирующие среди населения, что Молотов – *«добрый и благородный человек, а значит и справедливый»*. Именно поэтому авторы умоляют его проверить все факты лично, взывая к нему на самой трагической ноте: *«Если Вы не поможете, то все погибнут. Умоляем Вас, спасите!»*. Внимание привлекает также постскрипtum *«Простите, что не подписываемся, ведь жаловаться нельзя...»*, который выдает противоречия, которые испытывали люди, вынужденные прибегнуть к анонимному письму [14]. С одной стороны, они показывают, что вполне усвоили правила поведения в советском социуме и не собираются «отпадать» от него. С другой стороны – желают, чтобы их воспринимали как приличных людей, в обычае которых подписывать свои послания, а никак не в роли доносчиков, столь типичной для рассматриваемого периода.

Не такой уж уникальный случай, когда в письме содержится угроза отчаявшегося до крайней степени человека совершить самоубийство. А случается, что автор обещает прибегнуть не только к самоубийству, но даже и к убийству. Так, 23-летний Сергей Толоконников, старший из четырех сыновей Владимира Толоконникова (*«пьяницы»* и *«лишенца»*) предупреждает М.И. Калинина, что вполне готов убить отца, из-за которого семья терпит разнообразные жизненные трудности. Согласно письму, пришедшему на имя Калинина в феврале 1936 г. из г. Краснослободска, мать Сергея развелась с отцом из-за его пьянства и туеядства еще в 1927 г., однако когда в 1930 г. отца лишили избирательных прав по причине подпорченной биографии (службы в полиции в течение полугода), то его бывшая семья в полной мере хлебнула связанных с этим проблем. Мало того, что детям Толоконникова и так пришлось расти в нужде (носить одежду из мешковины, с подросткового возраста самим зарабатывать на жизнь и вообще иметь *«золотую юность»*), так теперь их гнали с работы и презирали. Все четыре сына лишенца Толоконникова на момент написания письма не работали и, по словам старшего Сергея, находились в отчаянии, были *«готовы задушить бывшего отца»*, из-за которого буквально *«погибали»*. Отрекаясь от отца как *«врага социалистического строительства»*, Сергей настаивал на том, что он и братья – *«советские дети»*, воспитанные не этим человеком, а советской школой, и они всегда жили в соответствии с генеральной линией партии. Автор письма просил об элементарной возможности работать, то есть, собственно, жить, стремиться к *«лучшей советской жизни»*. Просьба оказать содействие адресовалась именно Калинину *«как лучшему другу детей и пролетариата»* [15].

Таким образом, выплеск эмоций такой силы, когда человек доводил до вождя угрозу проститься с жизнью либо забрать жизнь у другого человека, происходил в связи с наступлением безысходной ситуации, когда он последовательно терял все нормальные (читай – элементарные) позиции существования, что было, как известно, обычной практикой по отношению к семьям «врагов народа» в 1930-е гг. Восемнадцатилетняя жительница г. Мереха Харьковской области Анна Кривко почувствовала себя выброшенной «за борт жизни», когда ее отец (рабочий-плотник Мерехянского стекольного завода) и его брат (служащий-проводник вагонов на станции Харьков) были арестованы органами НКВД, и семья девушки (бабушка, мать, сестра младенческого возраста) тут же лишилась квартиры, а она сама – государственной стипендии в университете и работы. В письме депутату Верховного Совета СССР В.Я. Чубарю Анна Кривко рассказала свою историю, мало пытаясь оправдать отца («никогда не замечала с его стороны ничего, что могло бы вызвать у меня подозрения», а иначе «я бы выдала его органам НКВД»), фактически от него отказываясь («у меня нет чувств дочери к нему, они побеждены великими чувствами долга советского гражданина перед родиной, перед комсомолом, перед партией»; «разве мы [с сестрой] виноваты, что родились именно от этого человека»). В письме от 25.01.1938 г. девушка просит Чубаря помочь вернуть жилье и работу, неоднократно угрожая не только самоубийством, но и убийством маленькой сестры. Взывает: «Но ведь я же гражданка Советского Союза, за Сталинской Конституцией имею право на труд, право на жизнь». Практически тем же днем датировано письмо к Чубарю «просительницы» Александры Кривко, приходившейся женой дяде Анны, арестованному вместе с ее отцом. Женщина также оказалась с полуторагодовалым ребенком на улице, поэтому абсолютно не пыталась просить за мужа, а стремилась довести до адресата письма информацию о том, что квартира принадлежит лично ей, а не мужу. Справедливости ради надо отметить, что обе семьи спустя два месяца после проведенной проверки были вселены обратно в свои квартиры, а жалобницы – устроены на работу [15].

Пытаясь спасти остатки жизненных ресурсов, другая жительница г. Мереха А.Н. Сидоренко все же вначале хлопотала перед В.Я. Чубарем за арестованного мужа (66-летнего школьного учителя, вряд ли при его состоянии здоровья способного достаточно долго протянуть в тюрьме), а уж потом – за дочь, которая могла пострадать из-за обвинений против отца. «В крайнем случае, если живого его не реабилитируют, то я прошу, чтобы с него хоть после смерти сняли обвинение (потому что он ни в чем не виновен). Это необходимо для нашей дочери, которая кончает 10-й класс и у которой страстное желание продолжать образование», – писала Сидоренко в феврале 1938 г. [16]. По прочтении этих прошений от жительниц г. Мереха трудно отделаться от ощущения, что бытие на грани выживания невольно приводило людей к душевному очерствению. Во имя более-менее сносной жизни, которую женам и детям «врагов народа» так легко было потерять, они готовы были отмежеваться от своих родных людей, которые вчера еще были рядом.

Как ясно из уже рассмотренного материала, вожди выступали высшей инстанцией, располагавшей, согласно представлениям большинства советских граждан, огромным (если не безграничным) потенциалом восстанавливать справедливость. Им также нередко поверялись самые высокие эмоциональные порывы. Для харьковчанина Николая Шелейко, который, как он сообщал М.И. Калинину, «душою заболел», такой порыв заключался в равнодушии к судьбам революционного народа Испании. «Испанский вопрос – не частное дело испанцев», – раскрывает Шелейко суть своей позиции в письме от 25 февраля 1938 г. Что касается душевных терзаний, то они рисуются так: «...Два чувства овладели мною. Первое дает понять, что я, возможно, делаю непоправимую глупость, написав Вам это письмо; второе же мучает, сжимает до боли грудь, ступшевывает первое и становится неизбежным, неукротимым диктатором моей натуры. <...> Я стал жертвой своей меланхолии, своей ненависти и, возможно, что самонасилия над своей жизнью, насколько дело так далеко зашло». Не один месяц вынашиваемой мечтой 25-летнего мужчины являлась борьба в Интернациональной бригаде Испании, причем любые препятствующие такому шагу обстоятельства рассматривались им трагически. В частности, само напряженное ожидание отъезда в Испанию спровоцировало кризис, когда жизнь для Шелейко «вообще потеряла свой смысл». «Сейчас кризис назрел, я заметил,

что теряю интерес к книгам, – констатировал автор письма. – Потерял аппетит, похудел. На производстве дело не клеится: считался хорошим слесарем, сейчас делаю много брака, смотрю в чертежи и ни черта не понимаю, не потому что я плохо их знаю, а потому что мысли мои летят мимо этих чертежей, далеко за пределы цеха, даже за пределы моей родины. В общем, я болен, но никто не знает чем. По натуре я веселый, бодрый, жизнерадостный, но товарищи стали замечать мое уныние, и мне приходится изображать то, чем я был до того, как мысли об Испании не волновали меня. Умную красивую девушку я очень любил, но сказал ей, что, пока будет война в Испании, брак наш невозможен, она не поняла меня, и мы разошлись. Да, Испанский вопрос я ставлю выше самого себя, выше собственного благополучия и даже выше любви». Судя по всему, от Калинина Николай Шелейко ожидал моральной поддержки и некоего «отпущения грехов» по поводу своей непатриотичной позиции; мужчина опасался, что такой яростный настрой на борьбу за ценности всемирной революции даст основания окружающим считать его «изменником родины» [17]. Очевидно, что, заручившись письмом от вождя, он мог погрузиться в эмоции по поводу ситуации в Испании еще более страстно и, что немаловажно, не оглядываясь на мнение окружающих.

Поскольку письма во власть содержат, по преимуществу, жалобы и просьбы, то искать в них некие любовные мотивы кажется занятием пустым. Но не стоит спешить с выводами, так как речь идет о письмах, адресованных рядовыми советскими гражданами первым лицам партии и государства. И значит вполне можно ожидать повышенного градуса выражения лести и чиновничества, шаблоны которых граждане могли без усилий почерпнуть из ангажированной советской прессы. Кроме того, обращение к представителю власти посредством письма предусматривало «выбор определенной стратегии, рассчитанной на достижение максимальной эффективности апелляции» [18], и значит лезть как одна из «работающих» стратегий была более чем уместна.

Однако ясно, что лезть как угодливое восхваление кого-либо, внушаемое корыстными побуждениями, отнюдь не обязательно должна сопровождаться любовными эпитетами, как, вероятно, излишне сильными в случае обращения к совершенно незнакомым, находящимся на недостижимой дистанции людям, какими обычно выступают лидеры, что называется, «первого эшелона». Но в том-то и дело, что вопрос о дистанции советские вожди решали своеобразно. Поскольку они при любом удобном случае позиционировали свою близость к массам, а при помощи средств массовой информации и других манипулятивных технологий были «вхожи» в каждый дом практически ежедневно (если не ежечасно), то вопрос о возможности выражения по отношению к ним интимного чувства отпадал сам собой. То, что он отпадал не только гипотетически, но и реально, доказывает немалая часть проанализированных нами писем.

Итак, письма от взрослых и детей, написанные бескорыстно, исключительно ради изъявления чувства к кому-то из вождей персонально, в 1930-е гг. редкостью не были. Возникает впечатление, что такие акции, – особенно те из них, что предпринимались коллективно, – были своего рода «хорошим тоном» рассматриваемого времени, который складывался в немалой степени под влиянием прецедентов, пропагандированных в печати. Как можно судить по риторике подобных писем, корреспонденты получали эмоциональный заряд от самого факта написания текста такого рода (если же реализовывался шанс получить ответ от адресата, то это было пределом мечтаний), а атмосфера, которая сопровождала процесс, была необыденной, захватывающей, включавшей в себя элементы игры и даже риска. Читая некоторые письма, можно ощутить, что у людей буквально перехватывало дух от собственной смелости.

Также присутствовало стремление отождествить себя с целым советского народа, объединенного поклонением конкретным идолам. Отсюда – широкое использование союзов «тоже» и «также». Как пример – письмо пионеров, пришедшее в адрес Калинина в марте 1937 г. «Мы <...> так глубоко преданы Вам, что трудно подобрать слова, чтобы выразить наше чувство к Вам, к кипучему, радостному, остроумному М.И. Калинину. Нет людей, чтобы не слыхали бы о Вас, и мы, пионеры, также выражаем наше чувство к Вам» – приводят свои эмоции к общему знаменателю дети [19].

Изъявления обожания порой балансируют на грани фола. В этом смысле замечательно письмо третьеклассницы Раи Дударевой А.А. Жданову, датированное 7 марта 1938 г.

По-простому раскланявшись с Андреем Александровичем («*добрый день, веселый час*»), девочка спешит сделать признание: «*Мы очень любим вас и всех вождей, как вкусную конфетку*» [20]. На данном примере можно видеть, что в отношении вождей наблюдалась своего рода фетишизация, которую, поскольку речь идет о ребенке, можно отнести именно на счет присущей возрасту игривости. С другой стороны, вполне возможно, дети пытались самоопределиться в своем отношении к вождям, а точнее, интуитивно желали разобраться в сущности той чрезмерной любви и того обожания, которые привлекали к себе эти пространственно далекие, известные лишь по фотографиям в газетах и сообщениях об их гениальных деяниях, фигуры. Ощущая, что такого рода любовь не имеет ничего общего с родственной и чувственной, дети все так же интуитивно пытались приобщиться к ней. Поэтому за «сенсационным» признанием следовала фраза: «*Мы пишем вам и ждем ответ*».

Вопрос об искусственности эмоций особенно актуален для чрезмерно льстивых или пафосных писем, которые слали взрослые. Лесть порой зашкаливала, была неумеренной и неумеренной, полностью теряла связь с реальностью, что демонстрирует, например, письмо жительницы г. Ростова-на-Дону А.М. Данильченко с предложением воздать Сталину за его заслуги должным образом (декабрь 1938 г.). Регулярно просматривая указы Президиума Верховного Совета СССР о награждениях «*всеми видами орденов*» наркомов, командиров и «*других стахановцев*», женщина озаботилась плачевным положением, в этом смысле, Сталина. «*Сталин, с моего понятия и мыслей, моих личных соображений, – решила она, – достоин и должен быть награжден <...> всеми видами почетных орденов и наивысшими видами наград от одиннадцати национальностей и республик нашего Советского Союза СР*». Наряду со справедливостью такого акта, жительница Ростова учитывала его эффектность: «*Вся грудь великого вождя должна быть в орденах, чтобы весь мир видел борца, руководителя в сияющих орденах за дело всех трудящихся масс рабочего класса во всем мире*». Данильченко предлагала также не забыть и «*мать великого вождя*», наградив ее «*дорогим драгоценным подарком*» за то, что «*одарила страну гениальным вождем и великим организатором и учителем рабочих, трудящихся масс всего мира*» [21].

В похвальных, восторженных письмах в адрес вождей, как видим, недостатка нет. Они сохранились в изобилии, однако, как правило, несут минимум конкретной информации (иногда это вполне искренние, но общие фразы) либо вообще отдают формализмом (славословие, дежурные дифирамбы). Большинство таких изъявлений преданности и объяснений в любви, так или иначе, были подчинены инструментальным задачам (что-то попросить, кого-то защитить). Не так просто встретить письмо, в котором чувство к вождю выступало бы в более-менее чистом виде, имело самостоятельное значение, т.е. проясняло бы характер этого особого «отношения». В этом смысле нельзя обойти вниманием письмо гражданина, назвавшего себя А.С. Калиновский (псевдоним). Данное письмо есть примечательный панегирик М.И. Калинину [22].

Из письма, датированного 10 января 1936 г., выясняется, что Калинин получал письма от этого корреспондента на протяжении десяти лет (систематически, но с одним длительным перерывом). Калиновский буквально забрасывал вождя пространственными письмами в 1926–1931 гг., по собственным словам, переживая от этого массу приятных эмоций, среди которых доминировали волнение и радость. Он никогда не подписывался настоящей фамилией и не указывал настоящего адреса, потому что (опять же, по собственным словам) не хотел быть заподозренным в фальши и неискренности, преследовании каких-то выгод. Корреспондент утверждает, что все его письма «*диктовались самой искренней, самой бесхитростной и самой глубокой любовью, как к человеку, выше которого по гениальному уму, по человеческой чистоте, по неслыханной чуткости и сверхчеловеческой доброте и мудрости – стоит только “солнце-счастье” И.В. Сталин*». Примечательно, что восторженность по отношению к Сталину зародилась у Калиновского позже особого отношения к Калинину; осознавать «*все величие, всю неизмеримую гениальную величину И.В. Сталина*» он начал уже после 1931 г., а вот «*первую неизмеримую радость познал*» именно к Калинину, и произошло это пятью годами раньше. Пытаясь прояснить для себя самую такую не вполне традиционную иерархичность, Калиновский приходит к мысли, что Калинин для него «*бого-человек*», а «*И.В. Сталин – бог*». Похоже, именно в желании сохранить эту ипостась за Сталиным, он

упоминает его без традиционной для подобных писем расшифровки инициалов, в то время как «человечный» Калинин рекордное число раз (всего 14) величается по имени-отчеству.

В своем письме Калиновский передает многие терзания, обычно сопутствующие любовному чувству. Он подчеркивает прерывистость мысли и нехватку слов для описания переживаний. Также становится ясно, что на протяжении некоторого времени он писать Калинину бросил, ибо безответность писем (читай, чувства) отвратила его от этого: «Самый слепой фанатик перестал бы молиться тогда, когда узнал бы, что молитвы его не слушает никто». Такой шаг дался Калиновскому очень непросто, тем более что глубокие и содержательные выступления М.И. Калинина его «за эти годы сто раз волновали и доставляли так много удовольствия и радости». В результате, Калиновский не удержался и возобновил свою эпистолярную активность.

Трудно обойти вниманием сходный с фамилией адресата псевдоним автора письма (Калинин – Калиновский). Информации, которая делала бы его личность прозрачнее, немного, но она есть. Это горожанин, пожилой человек, который годом раньше был признан Врачебной комиссией инвалидом, но от пенсии отказался и продолжал работать на прежнем месте. О развитии болезни (от «полупараличей» к «грудной жабе», т.е. стенокардии) Калинин, похоже, своевременно информировался, также как и об успехах Калиновского на производстве.

Выражение любви и почитания максимально; в одном месте послания Калиновский предлагает вырвать из груди свое сердце (как мы знаем, больное) и отдать его адресату, дабы продлить его (судя по всему, ровесника) жизнь «для процветания и счастья всего человечества», в другом – отдать адресату «всю кровь – капля за каплей», причем сделать это «с радостью, с наслаждением». Обоснование такой жертвенности лежит в отождествлении «любимого Михаила Ивановича» с Отчизной («принести собой какую-нибудь пользу для Вас, [а] значит, и для всей Родины»). Калиновский даже делится с вождем потребностью, которая, как он понимает, может вызвать у того смех, а именно: «...увидеть Вас, взять Вашу руку и погладить ее своей рукой, просто прикоснуться к Вам». Собственно, он сам квалифицирует этот порыв как «какое-то собачье чувство», «как пес подходит вдруг к совершенно чуждому человеку и лизнет его руку».

Читая это послание, теряешься в догадках, то ли Калиновский являлся необычайно любвеобильным (до маниакальности) почитателем вождя, то ли был авантюристом. Заподозрить последнее заставляет финальная часть послания, где автор пишет о «своей постоянной просьбе-мечте», повторяемой на протяжении 10 лет. Эта просьба состоит в желании «жить в Москве и быть недалеко от любимого» Михаила Ивановича. «Не дайте мне умереть, не увидите Вас...» – умоляет Калиновский. Письмо венчает апофеозное завершение в духе «многие лета» («...да продлятся Ваши годы <...> на радость всех нас») и подпись: «Ваш, всегда и безраздельно Ваш А.С. Калиновский». Таким образом, затруднительно дать однозначный ответ на вопрос о том, чего больше в «случае Калиновского» – искренней преданности или изощренной лести, фанатизма или прагматизма. Очевидно лишь то, что в случае этом много сходства с той эмоциональной привязанностью, которая называется любовью. Или же – с ее изощренной имитацией.

Писем, имитирующих любовь и почитание в не столь замысловатых формах, гораздо больше. Лесть в них воплощена в самом элементарном, неприкрытом виде, причем у авторов писем порой никаких корыстных мотивов льстить не имелось, тем не менее, такого рода «акты» они совершали, причем некоторые – с известной периодичностью. Как пример – письмо харьковчанина К. Сологуба В.М. Молотову, датированное 18 сентября 1936 г. В нем работающий в Университете Сологуб, даже не будучи членом партии («большевик, хотя и непартийный, к сожалению»), выражал страстное желание как можно чаще слушать по радио выступления руководителей партии и правительства. «А как хотелось бы послушать, и не только раз или часто слушать, а без конца слушать, хотя бы по радио нашего всеми любимого дорогого товарища Сталина! Разумеется, я выражаю желание многих и многих сотен миллионов трудящихся всего мира» [23]. Употребление эпитета «любимый» по отношению к вождю здесь в высшей степени формально, хотя бы потому, что вместо индивидуализации чувства происходит отождествление с желаниями «сотен миллионов» в максимально широком географическом континууме неизвестных автору людей, от имени

которых он и высказывается. Вообще налицо факт, что в эпистолярные источники переключивается газетная риторика.

И все-таки чаще всего подоплекой писем, переполненных лестью, являлось то, что корреспондентами так – более или менее искусно – готовилась почва для каких-либо просьб. К примеру, «глубокоуважающая» Г.К. Орджоникидзе жительница г. Свердловска 49-тилетняя Ангелина Транквиллиновна Портнягина, принадлежавшая к научным кадрам Уральского Индустриального Института, делала это пусть грубовато, но потенциально грамотно [24]. Судя по завершению ее письма от 1 января 1937 г., Портнягина хотела заручиться особым вниманием Орджоникидзе к ее общественным инициативам (налаживанию работы образцового детского сада). *«Вы меня поймете и поможете провести мои планы в жизнь. Хотела бы получить право и в дальнейшем непосредственно Вам рапортовать о работе. Ваше внимание обеспечит и внимание со стороны местных организаций»*, – рационально рассуждала общественница. Примечательно, что еще в начале письма, в порядке подготовки почвы, Портнягина аттестовала себя как *«одну из счастливейших женщин Союза, которая своими глазами видела Великого, мудрого товарища Сталина»* и его друга и помощника Орджоникидзе, *«вырастившего замечательное движение жен»*. Далее слово «счастье» и производные от него употребляются автором письма исключительно в контексте общественной жизни: Портнягина хотела бы *«испытать счастье»* быть принятой в ряды партии; она отмечает, что вожди ведут советских людей *«в прекрасную счастливую жизнь»* и даже обладают способностью омолаживать их, давать *«способность забывать свои годы»* (лично она *«молодеет»*, когда смотрит *«на свою новенькую веломашину, полученную в подарок»* как раз от Серго Орджоникидзе). Вообще примечательно, что слова, передающие эмоциональный настрой женщины, «привязаны» исключительно к производственной и общественной тематике, в то время как отзыв о частной сфере жизни предельно сух: *«никогда не замыкалась в скорлупу личной жизни»*, ибо *«имею большой общественный инстинкт»*. К сфере общественной самореализации относятся отдельные фразы письма, рождающие эротические коннотации: *«отдаться партийной работе»*, *«я от природы страстный агитатор»*. Доля чувственности заметна и в прощальной фразе письма: *«Если я буду иметь когда-нибудь возможность говорить с Вами лично, я еще больше буду счастлива, а теперь я хочу, чтобы Ваши глаза коснулись моих строк»*. В общем, письмо оставляет некоторое впечатление весьма талантливо «по-советски» завуалированного кокетства (флирта), причем корреспондентка использует его ради *«любви к детям, делу и нашей Советской стране»* (не исключено, что и для карьерного продвижения). Собственно, происходит это как будто безотчетно; письмо свидетельствует, что все возможные эмоции просто переключались в общественную сферу жизни А.Т. Портнягиной.

В порядке рассуждения об эмоциях, которые побуждали к письмам вождям, нельзя не упомянуть о такой из них как страх. Опыт жизни в СССР 1930-х гг. способствовал тому, что в советских людях вырабатывалась высокая настороженность, когда при определенных обстоятельствах они начинали буквально «за версту» ощущать, как сгущаются тучи над головой и нарастает опасность попасть под каток террора. В таких критических ситуациях, в целях упреждения «удара» либо купирования тревожных переживаний, граждане также могли прибегать к обращениям во власть на самом высоком уровне. В случае студента Одесского Строительного Института Давида Гершгорина результативность его письма к *«любимому»* Вячеславу Михайловичу Молотову, датированного мартом 1935 г., имела особенное значение. Дело в том, что, несмотря на огромное впечатление от последних докладов Молотова как *«шедевра марксистско-ленинского анализа»*, студент опрометчиво охарактеризовал один из них на политическом часе в своем учебном заведении как *«сухой и ограниченный»*. *«Так, по крайней мере, заявили несколько товарищей коммунистов. Сам я даже не заметил, что так сказал»*, – признается в письме Молотову молодой человек. Он настаивает, что сказанное было *«несознательной случайностью»*, и *«могло случиться только в результате неправильного построения фразы»*. Клянется, что *«ничего подобного в мыслях нет, не может быть и никогда не будет»*. Надеясь, что при поддержке Молотова *«клеймо троцкиста»* могло бы быть с него снято, Гершгорин неоднократно умоляет адресата письма о прощении, несколько раз называет его *«любимым»*. Обещает: *«Ваше прощение вольет в меня новую струю энтузиазма, парализует то глубокое отчаяние,*

которое охватило меня и тяготит, не переставая» [25]. Сомнений нет, что Гершгорин в момент написания письма находился в совершеннейшем отчаянии, порожденном страхом за свою судьбу.

На примере письма Гершгорина и некоторых других писем, демонстрирующих превышение пределов желательного выражения чувств и преданности со стороны масс, возникает уникальная возможность отследить отношение к экзальтированности или неискренности корреспондентов со стороны адресатов. Дело в том, что вожди, обычно реагиовавшие на письма короткими нейтральными указаниями или переадресацией («Рассмотреть», «Вышинскому» и пр.), могли позволить себе в подобных случаях толику сдержанной иронии. Так, на письме Гершгорина, насыщенном уверениями в любви, имеется следующая резолюция В.М. Молотова: «Любимому товарищу Вегеру – на распоряжение, 25/III (Молотов)» [26].

Заключение.

Таким образом, складывается впечатление, что мечтой массы советских людей, проживавших в провинциальных городах в предвоенное десятилетие, была некая «радостная жизнь». Волей-неволей они «делились» мыслями об этой мечте с вождями, так как с помощью писем пытались достучаться до них и донести, наконец, насколько далеки идеалы от своего свершения, насколько их реальная повседневность расходится с рапортами на съездах и в советской печати. Примечательно, что трансформации наполнения понятия «радостная жизнь» (всегда, впрочем, с современных позиций, скромного, непритязательного) зависели от того, чего на данный момент решила лишиться партия зависимых от ее политики граждан. На старте 1930-х гг. в недостатке были хлеб и прочие продукты, а во второй их половине представления о радости и счастье связывались многими с нормальным существованием в полных семьях.

Усталые люди, с усилием изображавшие радость, а, точнее, ее суррогаты в своих письмах вождям, на самом деле, чувствовали себя «собаками скверного хозяина». Их социальная зависть по отношению к адресатам зиждилась не на знании об их ином материальном положении (о нем они были абсолютно не осведомлены), а на неком ощущении отличной от своей жизни, которую эти «небожители» ведут. Бодрые и оптимистичные, ухоженные и энергичные, вожди производили впечатление людей новой формации, до которых основной массе корреспондентов ни за что не дотянуть. Рядовые граждане чувствовали, что для подобного тона нужны какие-то иные условия существования, которые, вероятно, у этих людей имеются. Они же, взамен «радости», были обречены испытывать подавленность, депрессию, неврозы, а в крайних случаях, хотя бы и только мысленно, склонялись к суициду. Судя по письмам к советским вождям, таков был удел слишком многих в 1930-е гг.

Примечания:

1. Письма во власть. 1928–1939 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: РОСПЭН, 2002. С. 276.
2. Там же. С. 6.
3. Поскольку советские вожди (И.В. Сталин, М.И. Калинин, В.М. Молотов и др.) являлись объектом массового апеллирования во власть, то к настоящему времени обращения к ним граждан опубликованы и в других сборниках документов, хотя и не в таком объеме. См. напр.: Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т.3. М.: ИРИ РАН, 2005.
4. Письма во власть... М., 2002. С. 280.
5. Там же. С. 277–279.
6. Там же. С. 280–281.
7. Там же. С. 424.
8. Там же. С. 410–411.
9. Там же. С. 402.
10. Там же. С. 407–408.
11. Там же. С. 341.
12. Там же.

13. Там же. С. 341–343.
14. Там же. С. 416–417.
15. Там же. С. 293–297.
16. Там же. С. 399.
17. Там же. С. 405–406.
18. Там же. С. 6.
19. Там же. С. 331.
20. Там же. С. 407.
21. Там же. С. 427–428.
22. Там же. С. 288–290.
23. Там же. С. 311–312.
24. Там же. С. 325–327.
25. Там же. С. 263–264.
26. Там же. С. 264.

References:

1. Pis'ma vo vlast'. 1928–1939 gg.: Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i sovetskim vozhdym. M.: ROSPEN, 2002. S. 276.
2. Tam zhe. S. 6.
3. Poskol'ku sovetskie vozhd'i (I.V. Stalin, M.I. Kalinin, V.M. Molotov i dr.) yavlyalis' ob"ektom massovogo apellirovaniya vo vlast', to k nastoyashchemu vremeni obrashcheniya k nim grazhdan opublikovany i v drugikh sbornikakh dokumentov, khotya i ne v takom ob"eme. Sm. napr.: Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. Iyun' 1941 g. – 1953 g. T.3. M.: IRI RAN, 2005.
4. Pis'ma vo vlast'... M., 2002. S. 280.
5. Tam zhe. S. 277–279.
6. Tam zhe. S. 280–281.
7. Tam zhe. S. 424.
8. Tam zhe. S. 410–411.
9. Tam zhe. S. 402.
10. Tam zhe. S. 407–408.
11. Tam zhe. S. 341.
12. Tam zhe.
13. Tam zhe. S. 341–343.
14. Tam zhe. S. 416–417.
15. Tam zhe. S. 293–297.
16. Tam zhe. S. 399.
17. Tam zhe. S. 405–406.
18. Tam zhe. S. 6.
19. Tam zhe. S. 331.
20. Tam zhe. S. 407.
21. Tam zhe. S. 427–428.
22. Tam zhe. S. 288–290.
23. Tam zhe. S. 311–312.
24. Tam zhe. S. 325–327.
25. Tam zhe. S. 263–264.
26. Tam zhe. S. 264.

УДК 94(47) «1931/1939»

**«Мы также хотим жить радостно, как наш любимый Сталин»:
эмоциональный срез писем вождям
из провинциальных городов СССР (1930-е гг.)**

Ирина Геннадьевна Тажидинова

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350063, г. Краснодар, ул. Кубанская Набережная, 4
Кандидат исторических наук
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению эмоциональной сферы советской повседневности в ракурсе культурной истории эмоций. Исследование этого среза повседневности (на примере провинциальных городов СССР 1930-х гг.) требует привлечения соответствующих источников. Такими источниками в данном случае выступили письма вождям (Сталину, Молотову, Калинин и др.) от рядовых граждан. Эти документы содержат описание различных сторон жизни провинциальных городов страны, характерные просьбы горожан, и, в целом, дают представление о том, что идеалом советских людей довоенного десятилетия являлась «радостная жизнь», которой, в основной своей массе, они были обделены.

Ключевые слова: Культурная история эмоций; повседневность провинциального города; письма во власть; жалобы; просьбы; выживание; эмоциональная реакция; печаль; горе; радость; счастье; любовь.